

Л.Р. Павлинская

КАЗАКИ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА: ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ (XVII — НАЧАЛО XVIII в.).

В статье рассматриваются такие проблемы, как история зарождения казачества и его этнический состав, формирование особого хозяйственно-культурного типа (ХКТ) и становление таких основополагающих категорий сознания, как мироощущение и мировосприятие. Основная часть статьи посвящена исследованию присоединения Байкальского региона, в котором казаки явились основной силой Государства Российского, открывшей ему путь на Восток. Важнейшим аспектом здесь является анализ стереотипов поведения казаков в мирных и военных взаимоотношениях с коренным населением. Такой подход к изучению казачества впервые дает возможность более глубоко раскрыть основные черты характера этой части российского общества, особенности восприятия окружающего мира, определившего неповторимые формы его культуры, специфику отношения к государственной власти и осознания своего значения в государственном строительстве.

Ключевые слова: казачество, процессы этносоциогенеза, Байкальский регион.

L.R. Pavlinskaya

COSSACKS OF THE BAIKAL REGION: ETHNIC AND SOCIAL ASPECTS OF FORMATION (XVII — BEGINNING OF XVIII CENTURY)

The article deals with issues such as the history of the origin of the Cossacks and ethnic composition, the formation of a special EKT and the formation of the fundamental categories of consciousness as the attitude and perception of the world. The bulk of the article is devoted to investigation of joining the Baikal region, where the Cossacks were the main force of the Russian state, open the way to the East. The most important aspect here is to analyze the behaviors of the Cossacks in the civil and military relations with the indigenous population. This approach to the study of the Cossacks for the first time makes it possible to more deeply to reveal the main features of the character of this part of the Russian society, especially the perception of the world, determined the unique shape of its culture, the specificity of the relationship to the public authorities and awareness of their importance in nation building.

Keywords: cossacks, processes of ethnic and social genesis, Baikal region.

В становлении Российской империи и, частности, в покорении Сибири казаки сыграли важнейшую роль. Литература, посвященная казакам, достаточно многочисленна, особенно мощный всплеск исследований по истории казачества произошел в последние десятилетия, когда на государственном уровне было принято решение о его возрождении. Однако вопрос о том, что же собой представляют казаки (самостоятельный этнос, субэтнос в составе русских, этнокультурную общность или военно-сословные группы не только в русском, но и в других народах), не получил окончательного решения.

К концу XIX в. население, числившееся в сословии «казаки», было расселено на территории Российского государства от предгорий Кавказа до Уссурийского края. Оно образовывало 11 войсковых соединений: Амурское, Астраханское, Донское, Забайкальское, Кубанское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Терское, Яицкое (Уральское) и Уссурийское [Сагнаева 1994: 169]. Общая численность казацкого населения насчитывала около 3 млн чел., что составляло 2,3 % от общего населения России [http://www.aif.ru/dontknows/_rossiyskoy_imperii_1897]. При этом, например, в составе Донского казачьего войска числилось 30 тыс. калмыков, в Забайкальском — немногим более 12 тыс. бурят и свыше 500 эвенков, в Яицком — около 4 тыс. башкир [http://www.bumbinorn.ru/history_articles/1165134584/; Патканов 1912: 686–696; Кортунов 2013: 129].

И на всей этой огромной территории, во всех соединениях, судя по многочисленным исследованиям историков социологов и этнографов, наблюдалось единство в стереотипах поведения, в едином типе внутренней социальной организации, быта и т.д. Это, прежде всего, воинская доблесть, особая удаль, презрение к опасности и даже смерти, высокая степень внутренней сплоченности и дисциплины, незначительное социальное расслоение, преданность своим формам этнокультурного бытия.

Впервые проблема стереотипов поведения как основной определяющей черты этноса была обозначена Львом Николаевичем Гумилевым [Гумилев 1990: 92–96]. В настоящее время такая категория, как поведение, чаще всего рассматривается в научной литературе в отношении личности, социальной группы или конфессии, но ее

этнический аспект, т.е. стереотипы поведения этноса в целом или значительной его части, очень мало привлекает внимание ученых. В то же время историки и этнографы XIX в. уделяли этому аспекту значительное внимание. Л.Н. Гумилев, обобщив огромный материал по различиям в поведении людей различной этнической принадлежности, пришел к выводу, что стереотипы — это «комплекс стандартов поведения членов этнической системы, передаваемый путем сигнальной наследственности» [Гумилев 1990: 499].

Согласно его исследованию стереотипы поведения имеют сложную структуру, которая охватывает весь спектр человеческих отношений внутри этноса и представляет собой строго определенную норму взаимоотношений между «а) этническим коллективом и индивидом, б) индивидов между собой, в) субэтносов между собой, г) этноса и субэтносов между собой» [Там же]. Кроме того, исследователь показал, что стереотипы поведения формируются в период зарождения этноса и достаточно существенно меняются на протяжении его развития. Следует лишь добавить, что стереотипы поведения являются внешним проявлением менталитета, основа которого формируется в процессах этно- и культурогенеза и имеет в каждом конкретном случае свои неповторимые особенности. Именно это определяет самобытность каждого этноса, которая ярко проявляется в стереотипах поведения не только внутри этноса, но и во взаимоотношениях его с другими народами, отражая такие глубинные основы менталитета, как мироощущение и мировосприятие.

Теория этногенеза Л.Н. Гумилева, как, в частности, и его положение о стереотипах поведения как существенной черты, отличающей один этнос от другого, категорически отвергается официальной отечественной этнологией. Однако я считаю, что выдвинутая Львом Николаевичем теория — это огромный прорыв в понимании этнической истории человечества, который дает ключ к изучению основных законов его существования на планете Земля. Излагать здесь главные положения этой теории не имеет смысла, т.к. она, во-первых, достаточно понятно изложена самим автором, а, во-вторых, подвергнута подробному анализу со стороны как приверженцев, так и противников. Однако для настоящей темы

необходимо остановиться на некоторых ее положениях, имеющих непосредственное отношение к проблеме российского казачества в целом и особенностей поведения казаков в Байкальском регионе.

Важнейшей составляющей данной теории является разработанная автором структура этногенетических процессов, включающая несколько фаз в развитии этноса, на каждой из которых проявляется особый, только ей присущий комплекс стереотипов поведения его наиболее активной, пассионарной части [Гумилев 1990 а: 93–102]. Анализируя этногенетические процессы, протекавшие в различных регионах Старого Света и в разные исторические эпохи, Гумилев выявил достаточно жесткие закономерности в поведении этноса на определенных стадиях его развития. Определив стадии этногенеза как изменение пассионарного напряжения этнической системы, он выделил последовательно сменяющие друг друга фазы этого процесса.

Первая из них «Подъем» (скрытый, а затем явный), формирующий новый стереотип поведения, который диктуется императивом — «Будь тем, кем ты должен быть!». Он подразумевает полное подчинение индивида законам системы. Этот принцип, например, сплотил русских перед Куликовской битвой и обеспечил им победу. Фаза подъема всегда связана с началом экспансии этноса за пределы своего «места развития», что и продемонстрировали русские в XIV–XV веках [Гумилев 1992: 144–149].

Следующая стадия — «Акматическая», когда происходит «набухание популяции пассионарностью и превращение ее в этнос». Это период больших завоеваний и широких миграций. Однако он характеризуется также и сменой императива — «Я хочу быть самим собой!». Это время расцвета этноса, его наивысшего развития, но в созидательной энергии наиболее пассионарной части этноса присутствует направленность на себя. Во всей ее деятельности присутствует личная заинтересованность. И это не эгоизм, это особенность высшей нервной деятельности человека, обусловленная стадией этногенеза. В истории России эта стадия наиболее активно проявляется в XVI–XVIII веках, и именно она особенно важна для понимания характера продвижения казаков и русских в пределы евразийского пространства и, в частности, Сибирь.

За фазой расцвета этноса наступает «Надлом», обусловленный спадом пассионарности. Именно в этот период на арене истории основное место занимают субпассионарии. Наступает время относительного покоя и порядка, которые позволяют человеку существовать в меру своих обязанностей. Это эпоха расцвета искусства, науки, философии, которую часто называют «золотой осенью цивилизации». В истории России этот период охватывает большую часть XIX в.

Л.Н. Гумилев выделяет еще три фазы этногенеза, следующие за «Надломом», этнические императивы которых отражают угасание и даже гибель этноса. Однако ученый выявляет и такую фазу, как «регенерация этноса», когда за «Надломом» следует новый «Подъем». Но эта часть его исследования не имеет отношения к данной теме, поэтому отсылаю читателя к трудам самого Л.Н. Гумилева [Гумилев 1990]. Следует лишь отметить, что процессы этногенеза каждого этноса в значительной степени зависят от конкретной этноисторической ситуации в окружающем пространстве, которая во многом влияет на ход его развития. Так, колонизация европейцами Северной Америки привела к стагнации этногенетического и этнокультурного развития коренного индейского населения континента, исключив его из мирового цивилизационного процесса.

Однако в изложенных выше положениях Л.Н. Гумилева о специфике стереотипов поведения этносов на разных стадиях этногенеза отражена лишь общая тенденция, в реальности они проявляются во множественных вариантах, которые и дают наиболее объективное и полное представление о характере этноса. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть конкретные проявления стереотипов поведения казаков в период наиболее жесткого противостояния с автохтонным населением Байкальского региона. Период XVII — начала XVIII в. выбран неслучайно, так как именно в ситуации конфликта поведение этноса (как впрочем, и отдельного человека) проявляется наиболее отчетливо. Неслучайным оказался и выбор региона, именно здесь казаки встретились в лице монголоязычных этносов с одним из наиболее сильных своих противников в Восточной Сибири, где военные действия продолжались на протяжении более 20 лет. Однако прежде всего следует

кратко остановиться на особенностях этнической истории не только казачества, но и русских, совместно с которыми казаки активно участвовали в становлении Российской империи и, в частности в присоединении к огромной территории, прилегающей к озеру Байкал, отстояв ее у маньчжурского Китая.

* * *

Для населения Восточно-Европейской равнины одним из важнейших моментов истории явилось возникновение Монгольской империи, охватившей ее значительную часть и спровоцировавшей очередной виток этногенетических процессов. Его самым знаменательным итогом стало появление на исторической арене в северо-восточных пределах равнины русского этноса и Московского государства, а на юге, в нижнем течение Дона, Днестра, Волги, — казачества. Зарождение этих двух общностей было явлением взаимообусловленным, но их формирование имело свои ярко выраженные особенности, которые проявились прежде всего в менталитете и, как следствие, в стереотипах поведения основной части населения каждой из них.

Продвижение монголов, особенно в первый период их завоевательных походов на Русь, вызвало сильное смешение населения и отток его значительной части из южных и центральных областей на север в лесные пределы верхнего Поволжья и Волжско-Окского междуречья, которые в дальнейшем и явились «месторазвитием» нового этноса — великороссов [Ключевский, 1997: 259 и след.]. Именно эта территория стала эпицентром этнических, социальных, культурных и политических процессов, в которые втягивались самые разные этносы, определившие будущее лицо русского народа. Процесс этногенеза великороссов, начавшийся с переплавки в горниле истории старославянских этносов удельных княжеств Древней Руси, обогащался за счет вовлечения, главным образом, автохтонных финно-угорских компонентов, тюркских и монгольских — с юга, а также польско-литовских и германских — с запада и скандинавских — с севера [Гумилев 1992: 135].

Необычайно емкую картину начального этапа формирования великорусской народности нарисовал в своих лекциях по русской

истории в конце XIX в. профессор Московского университета Василий Осипович Ключевский. Анализируя причины и последствия переселения значительной части населения Киевской Руси в Волго-Окское междуречье, историк выявляет основной спектр воздействия на формирование психологии великорусского этноса этнокультурного взаимодействия славян и автохтонным финно-угорским населением края и природно-климатических особенностей этого региона.

В.О. Ключевский рассматривает проявление финно-угорского компонента в антропологическом типе великороссов, в народных поверьях и фольклоре, во многих чертах бытовой культуры и, главное, в глубоком познании окружающей природы. Все это в значительной степени повлияло на формирование менталитета великороссов, определив особенности национального характера. «Народные приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии. Она часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса; своенравие климата и почвы обманывают самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось» [Ключевский 1997: 278–279].

Короткое неустойчивое лето приучало великоросса к чрезмерному кратковременному напряжению сил, ценить каждый погожий день, спешить работать, а затем погружаться в относительное безделье поздней осенью и зимой. «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии [Там же].

В.О. Ключевский описал и другие важные черты русского национального характера и его проявления в поведении. Это, прежде всего, сила духа, умение с достоинством преодолевать опасность, препятствие, неудачу и частое его отсутствие при переживании большого успеха; большую осмотрительность в действиях, но сла-

бо развитую предусмотрительность, что отразилось в пословице *Русский человек задним умом крепок*; определенную приверженность двигаться к цели сложным, окольным путем, рассуждая, что, *Только вороны прямо летают и Лбом стены не прошибеши* [Ключевский 1997: 230]. В своем исследовании В.О. Ключевский раскрыл и основные черты русского менталитета, и его проявление в стереотипах поведения.

Эта достаточно полная и удивительно точная характеристика была существенно дополнена в первой четверти XX в. известным русским филологом, лингвистом и этнографом Николаем Сергеевичем Трубецким. Будучи одним из основателей евразийской теории, Н.С. Трубецкой первым уделил значительное внимание роли туранского компонента в этногенезе русского этноса. Термином «туранский» ученый обозначил народы урало-алтайской языковой семьи — финно-угорские, тюркские и монгольские.

Опираясь в своем исследовании на такие основополагающие явления культуры, как язык, фольклор и музыка, Н.С. Трубецкой приходит к выводу, что «туранская психика сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому строительству» [Трубецкой 1999: 154]. Туранские черты в национальной психологии русских Трубецкой видит прежде всего в той ясной, простой схеме простроенности Московской Руси, в которой «и государственные идеологии, и материальная культура, и искусство, и религия были нераздельными частями единой системы — системы, теоретически не выраженной и сознательно не сформулированной, но, тем не менее, пребывающей в подсознании каждого и определяющей собой жизнь каждого и бытие самого национального целого» [Трубецкой 1999: 155].

Эта устойчивость мировосприятия являлась основой и государственного строительства, и психологического принятия государственно-политической системы с простой вертикальной иерархией власти, и беспрекословного подчинением низшего уровня высшему, и прочного сохранения культурной и религиозной доминант в условиях широкого этнокультурного взаимодействия: *Один бог, один государь; Светится одно солнце на небе, а царь на земле,*

*Не Москва государю указ, а государь Москве; Всякая власть от бога; Менять веру — менять совесть; Веру переменить — не рубашку переодеть*¹.

Но в то же время «туранский» компонент в русской психологии сочетался со славянской основой, которая сложилась в Древней Руси и была оформлена православной религией. Рассматривая этот сложный процесс главным образом на материале языка и литературы, Трубецкой выявляет уникальную его особенность, существенно повлиявшую на формирование национальной психологии русского этноса. Он приходит к выводу, что основы православного вероисповедания, богословия, философско-литературной традиции и более широко — духовной культуры Византии через церковнославянский язык не только обогатили русскую национальную психологию широким спектром абстрактно-теоретических принципов мышления, но и окрасили глубоким духовно-религиозным мирозерцанием эмоционально-психическую гамму русского мировосприятия [Трубецкой 1999: 205–208].

Эта характеристика, данная Трубецким русской национальной психологии, раскрывает и конкретизирует то определение толерантности русского национального сознания, которое уже прочно вошло в научный обиход при описании русского менталитета. Уникальный сплав славянского и «туранского» мировосприятия проявился в полном принятии русскими этнической заданности вновь осваиваемых территорий, т.е. народов и их культур. Он определил сам характер этого освоения, при котором доминантой поведения являлось органичное встраивание в существующую этнокультурную реальность, а не ее уничтожение или конструирование по своей модели, что четко отразилось в такой пословице как *В чужой монастырь со своим порядком не ходят*. Следует отметить: Н.С. Трубецкой был глубоко убежден, что реформы Петра Первого губительным образом повлияли на менталитет русского народа, привив ему западно-европейские культурные ценности. Однако во всей деятельности Петра, в размахе его реформ и в манере их

¹ Все русские пословицы и поговорки приведены в тексте по книге «Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 2 т. М., 1984. Т. 1. 383 с.

внедрения проявился исконно русский характер и та его черта, которая, согласно В.О. Ключевскому, отличается отсутствием предусмотрительности.

Остановиться на основных моментах становления и развития психологии и стереотипов поведения русского этноса было необходимо, так как это позволяет более четко выявить особенности менталитета российского казачества. По мнению большинства историков, зарождение казачества было положено сообществами «вольных, гулящих людей», по разным причинам уходивших на протяжении XIV–XVI веков из центральных областей Московского и Литовского государств в южные степные земли. Это передвижение было настолько широким, что даже получило определенное название — казачество, т.е. вести вольный образ жизни, часто сопряженный с набегами и грабежами.

Существует и другая версия происхождения казачества, согласно которой казаки являются автохтонным населением берегов Азовского и Черного морей. В IV–V веках они начали заселять Восточно-Европейскую равнину вплоть до берегов Балтики, но с момента разгрома Золотой Орды снова потянулись на родные земли в южные степи [Савельев 1908: 2]. Впервые она была высказана Евграфом Петровичем Савельевым, но согласиться с ней трудно. Однако, если обратиться к несколько более позднему периоду, а именно тюрско-монгольскому нашествию и господству Золотой Орды на большей части территории Древней Руси, то, несмотря на огромное ее разорение и мощный отток людей на север, в Волжско-Окское междуречье, в южных ее пределах продолжало оставаться некоторое количество славянского населения. Это были в основном территории Переяславского, Новгород-Северского, Черниговского, Галицкого княжеств и земли Киевской, а северная граница этой территории доходила до Курска и Рязани.

«Пограничное русское население, состоявшее под непосредственной властью татар, управлялось татарскими баскаками и своими старшинами-атаманами, которые собирали дань и передавали ее баскакам. Такие атамань, по известию литовско-русской летописи, были на Подолье. По актам конца XV в. мы встречаем этих же атаманов в Поросье, из чего можно опять заключить, что и здесь

держалось при татарах кое-какое население, непосредственно им подвластное. Итак, несомненно, что татары задерживали окраинное русское население, если не все, то значительную его часть, на прежних населенных местах. Часть русского населения они даже вытягивали из прежних пределов оседлости в более южные местности» [Любавский 1996: 166–167].

Этим южным пространством были степные долины Днепра, Днестра, Дона и Волги, получившее в русской истории название Дикое Поле. Здесь татары использовали славян как рабочую силу в хозяйстве, а также в качестве проводников, переводчиков и для пополнения военных отрядов [Там же]. Начался этот процесс практически сразу после образования Золотой Орды, как только военная ситуация обрела определенную стабильность. Можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что относительно неконтролируемое положение славян в непосредственных владениях Золотой Орды имело существенную особенность. Оно позволяло бежать, но бежать в степь, в которой можно было выжить, только объединяясь в группы, ватаги, в военизированные соединения.

И такие объединения появились в степях Днепра, Дона и Волги уже к середине XIII в. Первые сведения о них встречаются в сочинении Гильома де Рубрука. Так, отправляясь в 1253 г. на Волгу в ставку хана Батыея из владений его сына Сартака, расположенных на Дону, посланник Людовика XI записывает: «А на пути между ним и его отцом мы ощущали сильный страх: именно Русские, Венгры и Аланы, рабы их (Татар?), число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днем они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают лошадей, а одну или двух уводят с собою, чтобы в случае нужды съесть. Наш проводник сильно боялся такой встречи» [Рубрук 1957: 117]. Здесь уместно вспомнить казацкие пословицы *Солнце за лес — казацкая радость* или *Конь да ночь казаковы товарищи*².

² Все казацкие пословицы приведены в тексте по сборнику «Российское казачество. Казацкие пословицы». kazakirossii.ru/index.php?id=295&option=com.

Именно в этих суровых, полных опасности условиях закладывались основы менталитета и ценностных ориентаций будущего казачества, которые проявились в таких стереотипах поведения, как отчаянная храбрость, сплоченность, внутренняя дисциплина, когда от надежности одного человека зависела жизнь целой группы людей, без чего невозможно было выжить в то время. Именно она породила постоянный и жесткий естественный отбор, который выкристаллизовывал совершенно особый тип мироощущения и мировосприятия, особенно наглядно отразившийся в пословицах и поговорках, в этом наиболее открытом виде народного творчества: *Кто пули боится, тот в казаки не годится; Где враг, там и казак; Кто пожалел врага, у того жена — вдова; Где тревога, туда казаку и дорога; Чем слабее твоя воля, тем труднее доля.*

Эти поведенческие черты казачество сохраняло на протяжении всей своей истории. Так, в конце XVIII в. Александр Иванович Ригельман, генерал-майор инженерных войск Российской армии, историк и автор первой монографии о казачестве, в которой он предпринял изучение Войска Донского, писал: «Хотя всем, и едва ли не целому свету, по древности, а паче по храбрости в военных делах, не менее и по удалству, о находящихся в России Донских Козаках известно» [Ригельман 1846: 1].

Здесь необходимо отметить, что русский народ нельзя обвинить в отсутствии храбрости, смелости, отваги, однако созданные им пословицы рисуют совершенно иной характер менталитета, именно тот, который так блестяще выявил В.О. Ключевский — «выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, дразнить счастье, играть в удачу»: *Удалой долго не думает; Отвага — половина спасения; Пуля дура — а виноватого найдет.* Но при этом в пословицах пронзительно звучит грусть, в определенной степени даже безысходность: *В поле — две воли: кому бог поможет; Больно ранен — и головы не нашли; Пуля чинов не разбирает.* Подобное состояние мировосприятия проскальзывает и в казачьих пословицах, но очень редко.

Уже к середине XVI в. на обширной территории, все еще находившейся под контролем татар, складывается этносоциальная общность, получившая название *казаки*. Это были свободные

сообщества, включавшие в себя представителей различных этнических групп, втянутых в водоворот исторических последствий тюрско-монгольского нашествия. Основу этих сообществ составлял славянский этнический компонент, так как основная часть автохтонного тюркского населения этого региона влилась сначала в состав Золотой Орды, а затем в состав различных политических объединений, возникших на данной территории в результате ее распада. Однако славяне легко вбирали в себя представителей других этносов, волею судьбы оказавшихся в пределах этого региона, так как на протяжении всей истории Древней Руси находились с ними в тесных военно-политических и этнокультурных контактах.

Важной особенностью всех этих сложных процессов явилось сохранение основной массой казачьего населения православного вероисповедания. Это произошло, главным образом, потому, что территория, которая стала «местом развития» казачества, постоянно находилась в православном поле, о котором Гильом де Рубрук сообщает: «Что касается до Сатраха, то я не знаю, верует ли он во Христа или нет. Знаю только, что христианином он не хочет называться, а скорее, как мне кажется, осмеивает христиан. Именно он живет на пути христиан, то есть Русских, Валахов, Булгаров Малой Булгарии, Солдаинов, Керкисов и Аланов, которые все приезжают через его область, когда едут ко двору отца его, привозя ему подарки; отсюда он тем более ценит христиан» [Рубрук 1957: 117]. Напомним, что в XIII в. все перечисленные Рубруком народы и дунайские валахи (румыны) и болгары, керкисы (черкесы) и аланы Кавказа исповедовали христианство, что в значительной мере облегчало вхождение их представителей в состав степной, славянской в своей основе вольницы, положившей начало зарождению казачества. Как известно, монголы и тюрки терпимо относились к другим религиям. По сообщениям того же Рубрука, в ставке Сартака он встретил несторианского священника, который занимал при сыне Батыея весьма высокое положение [Там же].

Все это в значительной степени способствовало сохранению православия и тем самым его большого воздействия на формирование глубинных основ мировоззрения полиэтнического населения Дикого Поля, что не позволило ему раствориться в окружающей

тюркской среде и способствовало формированию важнейших основ мировоззрения казачества. *Крест на шее, да шапка сбоку — не скоро быть смертному сроку* — гласит казачья пословица.

Другой особенностью становления казачества была относительная обособленность этногенетических и этнокультурных процессов, протекавших в Диком Поле, от Волжско-Окского междуречья, от образования этноса великороссов и Московского государства, которая сохранялась на протяжении второй половины XIII в. и до середины XVI в., когда Иваном Грозным были взяты Казанское и Астраханское княжества. Именно поэтому казачество никогда не ощущало и не осознавало генетической связи с населением Московии, а позднее и русским народом. Как говорится в казачьей пословице, *Казаки от казаков ведутся*. В конце XVIII в. А.И. Ригельман, например, писал: «С коих времен и из каких людей они при своем месте начало свое возымели, уповательно, мало кто ведает, ибо сами они о себе прямого начала своего сказать не могут, а мнят будто бы они от неких вольных людей, а более от Черкес и Горских народов, взялись, и для того считают себя природой не от Московских людей, а думают заподлинно только обрусевши, живучи при России, а не Русскими людьми быть. И потому их воображению никогда себя Московскими не имянуют, кто их Москалем назовет, и отвечают на то, что «Я де не Москаль, но Руской, и то по закону и вере Православной, а не по Природе» [Ригельман 1846: 3].

В данном отрывке фактически получила отражение вся основа этнического самосознания донского казачества и шире — казачества в целом. Она не только закладывалась в определенной изоляции от этногенеза великороссов, но и имела существенные различия в этнических компонентах. Поэтому и в конце XVIII в., и в XIX столетии в сознании казаков устойчиво сохранялась твердая убежденность в отсутствии генетической связи с русскими и всем другим населением Государства Российского, существовала абсолютная уверенность, что они только «по закону и вере православной» являются его гражданами.

Процесс становления самосознания казаков, выразившейся в их отношении к великороссам в формуле «мы — они», видимо, наиболее четко стал определяться с середины XVI в., когда после

взятия Казани и Астрахани границы Московского государства вплотную приблизились к территории расселения казачества. Это противопоставление явно проявилось в последние годы XVI в. — первые десятилетия XVII столетия, в период Смуты, когда значительное число казаков встали на сторону обоих Лжедмитриев, захватив в составе польского войска Москву, и в бунте Степана Разина 1670–1671 гг. [Платонов 1997: 287, 303, 309, 316, 372–374]. Может быть, в это время и появилась пословица — *Мужик врага ждет, а казак врага ищет*.

Со времени начала зарождения казачества, с момента разгрома Древней Руси, уже к XVI в. начинают оформляться на юге Восточно-Европейской равнины отдельные его субэтнические подразделения на Дону, Днепре, Яике (Урале) и Волге, прочно удерживавшие в сознании отдельные моменты своей истории, которые позволяли им дистанцироваться от «москалей», а фактически от русских. Не имея письменной исторической традиции, казаки, по всей видимости, не осознавали, что происхождение их и «москалей» имело общую основу, поэтому и делали определенный акцент на другие народы в своем составе, в частности народы Кавказа, видя в них основных своих предков, что подчеркивало собственную инаковость. Даже в конце XIX — начале XX в., когда, казалось бы, казаки стали уже неотъемлемой частью российского общества, они «несмотря на то, что стоят за Русь, что полки их оберегают ее окраины и что все имеют рвение постоять за Царя, сами себя не считают русскими; что если любому казаку предложить вопрос: “Разве ты не русский”, он всегда с гордостью ответит: “Нет, я казак!”» — писал в первые годы XX в. Е.П. Савельев [Савельев 1908: 1].

В этногенезе казаков действительно приняло участие много различных народов. Проблема эта получила освещение в научной литературе, но, к сожалению, только в общих чертах. В то же время существует исследование, в котором она раскрыта достаточно подробно, но представленные в нем материалы практически не использовались в последующих работах. Речь идет о небольшой монографии Ефграфа Петровича Савельева «Типы донских казаков и особенности их говора», изданной в 1908 г. Будучи донским казаком из дворян Войска Донского, человеком талантливым и образо-

ванным, Е.П. Савельев заинтересовался происхождением казачества и как истинный исследователь обратился прежде всего к изучению антропологического типа и языка. Не имея профессионального образования, он, тем не менее, имел определенные познания в антропологии, что позволило ему дать подробную характеристику антропологических типов и выявить основные этнические компоненты в этногенезе донского казачества.

Согласно Е.П. Савельеву среди донских казаков, живущих в северных районах территории Войска Донского, присутствует антропологический тип, близкий типу жителей малороссийских губерний Волыни и Полесья, который близок типу великороссов. Его характеризуют «светло-русые волосы, голубые выпуклые, вернее — навывкате глаза, длинный стан, короткие голени, как и у великоросса (признак природного пахаря), прямой тонкий нос, удлиненная голова (долихоцефалы), узкий, относительно покатый лоб, часто веснушчатое лицо» [Савельев 1908: 4]. Эту группу казацкого населения принято называть «верховыми».

Другой тип представлен характерными признаками для жителей южных малороссийских губерний: «короткий, но плотный стан, высокие голени, круглая голова, широкий, прямой, нередко нависший лоб, короткий, часто с горбиной, хрящеватый, иногда и толстый нос, черные глаза, смуглое лицо и темные жесткие волосы, с красниной на усах и бороде» [Там же]. Он характерен для казаков, населяющих прилегающие к Азовскому морю земли. Они «легкие и подвижные, среднего роста, с длинными ногами при коротком туловище, с небольшой головой, при немного выпуклом (тюркском) лбе и выдающемся затылке, с орлиным носом, иногда тонком и прямом, подобранном маленьком подбородке. Все казаки азовского типа, большею частью брюнеты, с черными или карими глазами, с веселым, жгучим взором, одним словом, с азиатским оттенком в лицах, до крайности разнообразном» [Там же]. В то же время среди них встречается антропологический тип, характерный для жителей Северного и Центрального Кавказа — черкес и осетин.

Из менее распространенных типов среди донского казачества встречается: «а) татарский, т.е. тюркско-монгольский, с некрасивыми, смуглыми, широкими лицами, выдающимися скулами, выпук-

лым лбом и маленькими кривыми ногами. Характер вспыльчив. Казаки этого типа встречаются в задонских хуторах среднего и нижнего течения Дона и произошли от татарских выкрестов. <...> б) калмыцкий <...> Тип этот произошел от смешения калмыцкой крови с казацкой и дает симпатичные и красивые, хотя немного и широкие, лица, в особенности у женщин. <...> в) еврейский. Этого типа казаки до поразительности сходны с горскими евреями Дагестана, которые считаются остатками древних израильтян, плененных ассирийским царем Салтанассаром и потом совсем исчезнувших с политического горизонта, т.е. рассеявшихся по обширному древнему Персидскому царству, Кавказу, Крыму, Китаю, Индии и другим землям Азиатского материка» [Савельев 1908: 5–6]. Эта группа донского казачества называлась «низовые».

Подводя итог в описании этой части казацкого населения, Е.П. Савельев подчеркивает: «Верховые казаки дразнят низовых тумую. Слово “тума” черкесское и означает “приблудный”, происшедший от смешения крови с другим народом, собственно — метис. Кличка эта дана низовым казакам не без основания, так как у многих из них течет немало крови черкесской, татарской, турецкой, греческой и даже калмыцкой» [Савельев 1908: 7].

Как особая этносоциальная целостность казаки складывались в рамках двух ХКТ — кочевого скотоводства, главным образом коневодства, и пашенного земледелия, сочетая в своем становлении оба этих начала и создавая свой собственный, уникальный ХКТ. Зарождаясь в долинах крупных рек, в чем отчетливо проявляется славянская основа этого этноса, казаки постепенно начинают заниматься земледелием. Но в то же время они достаточно активно начинают втягивать в себя иноэтничные элементы и, в частности, тюркский, что позволяет им выйти в степь. В то же время складывался казацкий этнос исключительно из высоко пассионарных личностей, часть которых сумела выжить в Золотой Орде, а другая — бежала из Московского и Литовского государств или уходила с Кавказа. Причем все они оказывались в совершенно иной ландшафтно-культурной среде — в степи, в исконно кочевом скотоводческом пространстве. *Без коня казак кругом сирота; Казак голоден, а конь его сыт; Казак без коня, что солдат без ружья;*

Без коня не казак — гласят широко известные пословицы, точно определяющие один из ключевых элементов менталитета казаков.

Еще раз повторим: необычайно жесткие военно-политическая и социально-экономическая ситуации в Диком Поле, явившемся «месторазвитием» казацкого этноса, привели к таким характерным стереотипам поведения, как удаль, бесстрашие, презрение к опасности и даже смерти, преданность общему делу, высокой культуре наездничества и виртуозности владения оружием, особенно шашкой, в чем немаловажную роль сыграло участие в их этно- и культурогенезе тюрков и народов Кавказа.

Однако этно- и культурогенез казаков отличает еще одна особенность, которая придает всем процессам ярко выраженное своеобразие. Речь идет о том, что развивался этнос в рамках сословия, и в этом большую роль играло само государство. Движение русских в XVI в. одновременно в степной юг и Сибирь требовало все больше и больше пригодных для этого сил. И русское правительство уже с XVII в. начинает усиливать казаков за счет включения в их состав крестьянства, коренного населения различных областей государства, а также пленных литовцев и поляков, которые в течение нескольких поколений утрачивают свое этническое самосознание, идентифицируя себя в дальнейшем с казаками.

Таким образом, государство, преследуя свои интересы, способствовало расширению этногенетических процессов и достаточно быстрому росту нового этноса. Кроме того, закрепление на юге для Российского государства было невозможно без его земледельческого освоения, чему способствовало наличие здесь богатых черноземных земель. Именно эти земли правительство первым долгом закрепляет за казаками, раздавая их в качестве платы за службу, т.е. переводит казаков на самосодержание, давая им при этом значительные налоговые льготы, но вменяя в обязанность постоянную военную службу [Ключевский 1997: 220–221; Любавский 1996: 275].

Здесь преследуются несколько целей: усиление боеспособности государства вдоль степных границ и освобождение казны от содержания части войска. Но эти мероприятия правительства как нельзя лучше способствовали формированию в среде казачества своего собственного ХКТ, выразившегося в сплаве элементов двух куль-

турных традиций — скотоводческой и земледельческой. Так, в казачьих пословицах и поговорках удивительно точное выражение получил труд земледельца — *Где хозяин ходит, там и хлеб родит или Плуг блестит, пока пашет.*

В рамках сословия завершилось сложение казацкого этноса, которое с некоторой долей условности можно отнести к концу XVIII в., когда полностью оформились все его основные субэтнические подразделения от Дона до Забайкалья. Однако военная составляющая явилась причиной того, что казаки часто рассматривались только как военное сословие, встроенное в общегосударственную социальную систему, хотя и имеющее свою этническую специфику. Однако здесь следует уточнить, что такой взгляд на казачество характерен главным образом для советской научной традиции, что было связано с неприятием казаками революции и их участием в Белом Движении. В такой ситуации рассматривать его как самостоятельный этнос было политически невыгодно. Оценка казачества как привилегированного военного сословия, противостоящего Советской власти, оправдывала его уничтожение. В XX в. казаков считали самостоятельным этносом только С.М. Широкогоров и Л.Н. Гумилев исходя именно из ярко проявляющегося этнического самосознания и характерных особенностей стереотипов поведения. Но они подробно не рассматривали эти аспекты становления и развития казачества [Широкогоров 2002: 42; Гумилев 1992: 176]. В настоящее время тема «казачества» приобрела особую актуальность. Научных исследований достаточно много, и в них рассматривается история казачества, но вопросы, связанные с формированием этнического сознания и самосознания или стереотипов поведения, в них практически не затрагиваются.

Все выше изложенное позволяет утверждать, что российское казачество представляет собой самостоятельный этнос с ярко выраженным самосознанием, с особыми, только ему присущими стереотипами поведения, отражающими особый характер менталитета. Все эти свойства были характерны для представителей всех казачьих подразделений расселенных на огромной территории России от Дона и Терека до Уссурийского края, что позволяет рассматривать их как субэтноты единого народа.

* * *

Поход Ермака с отрядом волжских казаков в 1582 г. в Сибирь открыл новую страницу в истории казачества. С этого момента казаки становятся основной силой в освоении огромного пространства сибирского региона и приведении его населения «под высокую руку» Москвы. Русское же служилое сословие было представлено главным образом стрельцами и детьми боярскими, но по численности оно сильно уступало казакам. Более того, представители этих категорий русского населения часто лишь возглавляли отряды казаков, а также назначались на должности приказчиков острогов. Все же тяжести военных действий, строительства острогов и сбора ясака ложились в основном на плечи казаков, которые составляли в большинстве своем рядовой контингент служилого люда.

Началом планомерного продвижения казаков и русских в Восточную Сибирь следует считать 1619 г., когда тобольскими казаками под руководством сына боярского Петра Албычева и его помощника сотника Черкаса Рукина³ был поставлен на Енисее чуть ниже устья Ангары Енисейский острог, названный первоначально Тунгусским [Миллер 2002: 50, 284]. Строительство этого острога было обусловлено тем, что в бассейне среднего Енисея служилые отряды столкнулись с западными тунгусами. Те оказали мощное военное сопротивление, тормозившее дальнейшее продвижение на восток и, в частности, препятствовали достижению Предбайкалья или, как тогда назывался этот район Сибири, «Брацкой земли», о которой было известно уже с 1609 г. [Сборник документов... 1960: 9–10 (№ 1–2)]. Но когда в 1627 г. подьячий Енисейского острога, а позднее сотник стрелецкий Максим Перфильев привез полученное от тунгусов известие о ней, тотчас же енисейским воеводой Андреем Ошаниным было отправлено донесение в Москву, в Сибирский приказ, которое сделало Предбайкалье основной целью служения енисейского гарнизона.

³ Черкас является не именем собственным, а, скорее всего, прозвищем, которое определяло его принадлежность к казакам. Слово черкас в XVI–XVII веках использовалось русским населением, а также в государственных документах как экзоним в отношении славяноязычных казаков-христиан.

Воевода писал:

«Сказывали ему Максиму, шаманские люди [тунгусы шамагиры. — Л.П.], что Брацкая земля богата и людей в ней много, а люди сидячие, а берут де брацкие люди ясак со многих с малых землиц у товарищей Брацкой земли. Соболи и лисицы и бузарских товаров дорогов и киндяков и зенденей и шелков и белья много, и серебра де много добре много, а коней и коров и овец и верблюдов бесчисленно, а хлеб пашут ячмень и гречею, а ждут брацкие люди к себе твоих государевых служилых, а хотят тебе великому государю брацкие люди поклониться и ясак платить и с служивыми людьми торговати. <...> А как, государь, Брацкая земля под твою государевую рукою учинитца, и твоей государевой казне прибыль учинитца немалая, потому что, государь, смотря на братцкую землю приклонятца к тебе великому государю многие мелкие землицы и твоей государевой ясашной казне будет прибыль великая [Сборник документов 1960: 15 (№ 8)].

В этом сообщении весьма преувеличена лишь готовность «брацких людей» принять российское подданство и платить ясак, все же остальное, включая и заинтересованность в торговых отношениях, вполне соответствовало действительности. Более того, здесь достаточно отчетливо проявляется тот политический опыт, который Москва приобрела как в период объединения северорусских княжеств, т.е. в процессе рождения Московского государства, так и во время присоединения близлежащих земель, не говоря уже о Сибири. Покорение больших народов автоматически приводило к подчинению соседствующих с ними малых этносов, как правило, являющихся их данниками. И вследствие этого «Брацкая земля» в этот период стала важнейшей целью московского правительства.

Именно поэтому гарнизон Енисейского острога в силу возлагаемых на него задач был укомплектован главным образом «старыми» казаками из западно-сибирских городов, т.е. подлинными

казаками, и стрельцами. Это сыграло важную роль не только в освоении Байкальского региона, но и в образовании Забайкальского казачьего войска, а по сути особого субэтноса — забайкальских казаков. Состав енисейского казачества, видимо, был довольно смешанным, так как вслед за отрядом Ермака московское правительство направляло в Сибирь казаков с Дона, Волги и Яика, а несколько позднее к ним были присоединены и казаки Запорожья.

Связано это было с их активным участием в Русской Смуте 1606–1613 гг., хотя в ней были замешаны представители и других казачьих сообществ. Выступив на стороне обоих Лжедмитриев, казаки некоторое время фактически держали в своих руках Москву, а небольшие казачьи «шайки», как называли их в то время, грабили города и деревни на значительной территории Московии. «Замирить» казаков удалось только к 1617 г. после нескольких нанесенных им серьезных поражений в 1614–1616 г. Значительная часть этих казаков была сослана в Сибирь и постепенно вошла в состав служилых людей, другая сразу была направлена в сибирские города и остроги на государственную службу [Платонов 1997: 287, 303, 309, 316, 372–374].

В этом потоке казачьего населения естественным образом в гарнизонах острогов оказывались представители разных объединений, сформировавшихся в степях Дона, Днепра, Волги. Разрыв этих внутренних связей явился одной из главных причин возникновения новых субэтнических подразделений казаков, «месторазвитием» которых стали уже различные регионы Сибири. И все они располагались исключительно в лесостепной и степной природных зонах Северной Азии, по которым проходила граница Российской империи в XVII–XVIII веках.

Для Московского государства лесостепной пояс сибирского региона, в который входила «Брацкая земля», был естественной средой, позволявшей ему прочно утвердиться в огромном пространстве Северной Азии и многократно расширить свою территорию. В лесостепной полосе с пригодными для земледелия почвами и климатом Московия могла развить присущий ей тип хозяйства (земледелие и животноводство), сосредоточить большую часть

населения и заложить прочную основу своей государственности и культуры. И в этом казаки были очень полезны в Сибири не только как мощная военная сила, но и как этнос, имеющий опыт освоения лесостепной и степной экологических ниш и взаимодействия с кочевыми народами Великой Степи.

Географическое положение Байкальского региона с его огромными лесостепным и степным пространствами, с такими уникальными особенностями ландшафта, как озеро Байкал и мощные водные артерии (Ангара, Лена, Селенга с их многочисленными притоками), делало его в стратегическом отношении особенно важным. Недаром уже в начале XVIII в. он становится форпостом всей восточной политики России и, прежде всего, экономических отношений с Китаем.

Коренное население Байкальского региона в начале XVII в. было представлено монголоязычными, тунгусоязычными и тюркоязычными народами, которые по степени этнической консолидации и времени появления на этих землях были различны. Монголоязычное население в этот период делилось на две группы.

В первую входили этносы, формирование которых было связано с территорией Предбайкалья: булагаты, эхириты и хонгодоры. Кроме того, булагаты включали в себя несколько субэтнических подразделений — ашабагатов, икинатов и готолов [Долгих 1953: 37–39]. Именно эти народы русские называли «братами» или «бращими людьми», а занимаемую ими территорию — «Брацкой землицей». Четвертый этнос — хоринцы, основные земли которых располагались в Забайкалье в низовьях Селенги, по правому берегу, и по ее притоку реке Куде. Однако к моменту появления в регионе казаков и русских они продвинулись на территорию Предбайкалья, на остов Ольхон и западный берег Байкала, в Приольхонье [Румянцев: 1962: 237–238]. Становление и развитие этих этносов целиком связаны с Байкальским регионом. В этих процессах приняли участие как ранее средневековое тунгусоязычное, тюркоязычное и монголоязычное население этой территории, так и монгольское население центрально-азиатских степей, появившееся здесь в период образования, но главным образом, крушения Монгольской империи [Нимаев 1988: 164].

Вторую группу составляли собственно монгольские этносы, населявшие степные пространства Забайкалья. Это, прежде всего, табангуты, хатагины, сартолы, цонголы и озоны, обитавшие по рекам Джиды и Аргунь [Долгих 1960: 348]. Происхождение этой группы также связано с возникновением и разрушением Империи Чингисхана. Еще один монголоязычный этнос — дагуры — обитал в верховьях Амура. Дауры были единственным монголоязычным народом, основным занятием которого было земледелие [Долгих 1960: 579–581].

Тунгусское население региона представляло собой в Предбайкалье небольшие разрозненные группы в основном пеших охотников, в Забайкалье — охотников-оленоводов, населявших Баргузинскую тайгу, и конных тунгусов нескольких родов, вышедших из Маньчжурии в Забайкалье в 1667 г. и возглавляемых знаменитым Гантимуром [Там же].

Несколько небольших тюркоязычных народов (хаасуты, иркиты, эудинцы и сойоты), основным занятием которых были охота, оленеводство, но и скотоводство, обитали в Восточных Саянах и прилегающей к ним Тункинской долине [Долгих 1960: 257–264].

Первые годы существования Енисейского острога его гарнизон был занят «тунгусской проблемой». Тунгусы нижнего течения Ангары оказали активное сопротивление, и на их «приведение под высокую государеву руку» у енисейских служилых людей ушло 10 лет. Документы этого времени наполнены сообщениями о столкновении казаков и стрельцов с различными группами тунгусов, их дерзких нападениях и постоянных «изменах». Отдаленность острога от западно-сибирских городов Тобольска и Тюмени, являвшихся административными центрами зауральских владений Москвы, откуда направлялись отряды на годовую службу, суровость природно-климатических условий и постоянные военные нападения тунгусов делали службу в Енисейском остроге очень тяжелой. В челобитной, направленной царю Михаилу Федоровичу в 1629 г. казачьим атаманом Максимом Перфильевым и сотником стрелецким Петром Бекетовым, после длинного перечисления своих походов в различные «тунгусские земли» и «Брацкую землю» говорится:

«И ныне, государь, тех земл[иц] князицы со всеми своими людьми тебе государю ясак платяют и живут под твою государевую высокою рукою и на тех государь службах многих нас холопей твоих тунгусские и иных земли люди побивали, а таких, государь, нужных и жестоких служб что в Енисейском остроге и во всей Сибири нет, а мы холопи твои перед сибирскими городами перед своею братьею твоим государевым и хлебным жалованием оскужены. Милостивый государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси пожалуй нас холопей своих...⁴ поверстати своим государевым денежным и хлебным жалованием против томских и тарских тюменских конных казаков за наше службишко и за кровь и за работу чтоб нам холопом твоим будучи в Енисейском остроге службы не отбыть. Царь-государь смилуйся, пож[алуи]» [Сборник документов... 1960: 16 (№ 9)].

Положение Енисейского гарнизона было действительно крайне трудным, раз служилые люди были вынуждены писать челобитную самому царю. Особенно тяжело сказывалось отсутствие продовольствия, о чем свидетельствуют многие документы этого периода. В одном из них казаки жалуются, что иногда приходится им варить и есть траву да коренья [Сборник документов... 1960: 26 (№ 19)]. Видимо, уже не спасала и исконная неприхотливость казаков, которые говорили о себе: *Добрый казакъ не брезгаетъ, что попало, то и трескает*. В дальние остроги очень часто задерживалось то хлебное жалование, то денежное.

Через год после челобитной енисейцев из-за отсутствия хлебного жалования бунт поднял гарнизон только что возведенного Красноярского острога. Острог этот был поставлен на среднем Енисее в устье р. Качи сыном боярским Андреем Дубенским с отрядом около 200 чел. и предназначался для защиты Енисейского, Маковского острогов и возникавших вокруг них крестьянских пашен от

⁴ Здесь в подлиннике оборван край и не сохранилось несколько слов.

набегов кыргызов, которые наносили серьезный ущерб. Путь в острог на Красном Яре лежал через Енисейский острог, и поставка хлебных и других запасов шла через него. В 1628–1629 гг., как следует из челобитной енисейцев, положение с хлебными запасами в нем было катастрофическим. Высланное из Тобольска продовольствие застряло в Маковском остроге. Енисейский воевода Василий Аргаматов позднее так объяснял сложившееся положение в своем донесении в Москву:

«Июля в [...] день приехал с годовой службы в Енисейский острог твоим государевым ясаком сотник стрелецкий Петр Бекетов с служивыми людьми, и я по отписке князя воеводы Алексея Никитича Трубецкого велел сотнику и служилым людям те качинские хлебные запасы⁵ вестъ на Красный Яр, и сотник и служивые люди мне сказали, что они, будучи на твоей государственной службе, з голоду оцынжали, а иных тунгусские люди побили, и им де качинских запасов проводить на Красный Яр некем» [Миллер 2005: № 8].

Как в подавляющем большинстве русских документов XVII в., касающихся Сибири, в этом отрывке представлены сведения, характеризующие широкий спектр процессов, происходивших в среде служилого, по большей мере казачьего населения региона. Прежде всего, он подтверждает сведения челобитной енисейцев о необычайно тяжелых условиях жизни и службы — голод, цинга, гибель товарищей. Тем не менее это не должно было стать, из того, что мы знаем о поведении казаков из источников конца XVIII в. и XIX в., причиной отказа от исполнения приказа острожного воеводы как высшего в тот момент начальника. И все же они не подчиняются воеводе, что говорит о сплоченности и уверенности в своей силе в столь отдаленном остроге.

⁵ Первоначально Красноярский острог был назван Ново-Качинским, потому хлебные запасы, предназначенные для его гарнизона, в документе названы «качинскими».

Возможно, Аргамаков в своем донесении немного лукавил. Годом ранее, когда Дубенской со своим отрядом перед отправкой на Качу находился в Енисейском остроге, у него возник серьезный конфликт с енисейским воеводой, который теперь в отместку не настаивал на походе своих служилых людей в Маковский острог. Кроме того, отряд Дубенского состоял не столько из казаков, сколько из разного люда, который только числился казаками или, точнее сказать, «новоприбранными» казаками, собранными в западно-сибирских городах. Выше уже говорилось, что потребность в военной силе принудила Тобольск набирать на службу самый различный контингент населения, так называемых «охочих и гулящих, и промышленных», т.е. свободных от какой-либо зависимости людей, занимавшихся главным образом отхожими промыслами. Зачислялись они именно в казаки, так как в отличие от стрельцов те не являлись регулярными соединениями. Особенно распространено это было для гарнизонов Сибири, где нехватка служилого населения ощущалась в тот период постоянно. Так, в грамоте Михаила Федоровича, направленной в 1630г. «на Верхотурье воеводе Никифору Плещееву о даче подвод до Тобольска под “новоприбранных” казаков для службы в Сибири» читаем:

«По нашему указу велено Григорию Шестакову на Вологде, на Тотъме, на Устюге Великом, у Соли Вычегорской прибрати из вольных гулящих людей в Сибирь, в Тобольск, 500 человек казаков <...> И в нынешнем во 139-м году сентября в 9 день писал нам с Тотъмы Григорей Шестаков: прибрал де он на Вологде из вольных гулящих людей в Сибирь, в Тобольск в казаки 150 человек»
[Миллер 2000: 436].

Из царской грамоты следует, что слово *казак*, обозначающее значительную часть служилого контингента, приобрело в Московском государстве официальный статус, более того, определилось и его значение как служилого контингента. Именно этот контингент, численный в казаки, и составлял в Сибири в 30–50-х годах XVII в. значительную часть служилого населения. Однако как в европейской

части развивающейся Московии, так и в Сибири наличествовало и значительное количество подлинного казачьего населения, сформировавшегося в южных степных районах на протяжении XIII–XVI веков, т.е. того же исторического периода, когда складывался и развивался этнос великороссов. И в Сибири в XVII в. четко различали эти два контингента служилого населения: «старые казаки» и «новоприбранные казаки» [Бродников 2002: 21–22]. Более того, в стереотипах поведения этих двух групп существовали значительные различия, а также и определенная неприязнь друг к другу.

Относительно отряда Андрея Дубенского в царском наказе было написано:

«Указал государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси на том месте в Качинской землице вверх по Енисее на Красном яру поставити острог, а для того острожного поставления указал государь послати Андрея Дубенского, а с Андреем Дубенским для того острожного поставления служилых людей указал государь послать из Сибири, из Тобольска и изо всех сибирских городов, сколько человек будет пригоже» [Там же: 405].

Гарнизон же Енисейского острога в первые годы включал стрельцов и «старых казаков», можно было бы сказать — природных казаков.

Однако для темы настоящей публикации важен тот факт, что енисейские казаки отказались помочь Красноярскому острогу, несмотря на достаточно уважительную причину. Судя по тому, что нам известно из литературы о казаках конца XVIII — начала XX в., им была в высшей степени свойственна взаимовыручка, взаимная поддержка. Поговорка *Кто от товариства отстанет, нехай от того шукура отстанетъ* — являлась одной из основных их заповедей. Однако казаки Енисейского острога явно не считали красноярцев подлинными казаками, что и явилось, скорее всего, одной из причин их отказа в помощи.

В этой истории интерес представляет и другой момент: когда посланный Дубенским в Енисейский острог за хлебным жаловани-

ем атаман Иван Кольцо вернулся ни с чем, новоприбранные в казаки-красноярцы убили его, выместив на нем все свое негодование. А ведь, судя по казачьим пословицам, авторитет атамана был непререкаемым — *Без атамана казак сирота; Добрый казак баче, где атаман скаче; Атаманом не хвалился, а его крепко держися.* Эти пословицы косвенным образом подтверждают, что состав Красноярского гарнизона в то время не имел ничего общего с казаками, что и определило их поведение.

Существенная разница в стереотипах поведения «старых» и «новоприбранных» казаков прослеживается на протяжении всего XVII в. Так, в октябре 1696 г. достаточно неожиданно вспыхнул бунт гарнизонов Удинского, Селенгинского, Ильинского и Кабанского острогов Забайкалья, который был вызван недовольством правлением иркутского воеводы Афанасия Савелова. Его обоснованно упрекали в задержке денежного жалования, поборах, взятках, незаконной торговле с Китаем и калмыками (джунгарами). В своей «отписке» в Москву Афанасий Савелов сообщает, что «забунтовались новоприсланные в Удинск полковые стрельцы и удинские казаки, <...> а унять их невозможно и государеву указу чинятся непослушны. А которые де старые казаки не хотят к такому бунту пристать, и тех бьют насмерть и хотят бросить в воду» [Сборник документов... 1960: 423 (№ 151)]. Дело о бунте забайкальских гарнизонов велось в течение шести лет, вина иркутского воеводы была доказана, и в 1702 г. по указу Петра I он был отправлен в Москву.

Для нас интерес представляет, во-первых, присутствие в конце XVII в. в Забайкалье так называемых «старых», т.е. исконных казаков и, во-вторых, их поведение, а именно отказ от участия в бунте. К сожалению, не удалось найти документы, свидетельствующие о направлении на службу в Сибирь в это время казаков с юга Европейской части России. Но значительное число документов дает основание полагать, что во второй половине XVII в. термином «старые» казаки именовались второе и третье поколения того контингента казачьего населения, которое было сослано или направлено в Сибирь после 1617 г. и рассредоточилось по городам и острогам Сибири. Наличие этой категории казачества в Забайкалье в конце столетия позволяет сделать вывод, что на протяжении поч-

ти 70-ти лет оно сохраняло определенное этническое единство, основанное на самосознании и проявляющееся в особых стереотипах поведения. Однако численность «старого» казачества была явно незначительной, судя по тому, что не смогла оказать должного сопротивления «новоприбранному» контингенту забайкальских острогов, который в своей основе составлял русский этнос. Однако, как будет показано дальше, даже будучи в XVII в. в меньшинстве, казаки, вбирая в свой состав различные, в большинстве своем русские, этнические элементы, сумели привить им особенности своего менталитета и присущие ему стереотипы поведения.

Продвижение казаков и стрельцов Енисейского острога в 20–30-х годах XVII в. на восток в Брацкую землю всячески приветствовалось и поощрялось тобольскими и московскими властями. Но был ли ясак главной задачей государства в приобретении Брацкой земли? Нет, это примитивный взгляд на колонизацию Сибири, утвердившийся в отечественной науке с середины XIX в. под влиянием набиравшего силу европейского взгляда на историю России.

Конечно, и пушнина, и серебро являлись для Московского государства неоспоримой ценностью, но еще большее значение для него имела земля. И это в полной мере подтверждается большим числом документов XVII в., составленных служилыми людьми, в частности казаками Енисейского и других острогов Байкальского региона, которые содержат описания территорий с обязательным указанием мест для возможного развития земледелия. Эти так называемые «Чертежные росписи» появляются ближе к 40-м годам XVII в., а предшествуют им «Росписи именные рекам и землицам».

Первая из них относится к 1630 г., т.е. была составлена енисейскими казаками через два года после долгожданного достижения центральной части «Брацкой земли», «больших брацких улусов». В ней дается описание основных водных артерий региона и их притоков, а также расселения различных групп коренного населения и их этническая принадлежность, что было крайне необходимо для дальнейшего продвижения в регион [Сборник документов... 1960: 22–23 (№ 16)]. Однако как только была решена эта первоочередная задача, служилым отрядам ставится задание определить места для развития земледелия и условия для расселения крестьянства.

В 1641 г. был составлен документ под названием «Чертежная роспись притоков р. Лены в ее верхнем течении, пашенных мест, состояний между устьями рек, со сведениями о местном населении» [Сборник документов... 1960: 34–37 (№ 22)]. В одном из ее отрывков записано:

«От Купты реки до усть Оленги реки полдни ходу, впала в Лену реку с левой стороны, течет ис Камени. А с усть Купты реки до усть Оленги реки подле Лену реку пашенных мест на 300 десятин, сенных покосов на 2000 копен; кочуют по ней тунгусы те ж ладагирицы»
[Там же: 35].

Документ этот, как и все ему подобные, составлялись не только для острожных властей, но обязательно отправлялись в Москву, что четко определяет главную линию политики Московского государства в Сибири. Значительный интерес в этом плане представляет челобитная Алексею Федоровичу тобольского казачьего пятидесятника Ивана Курбатова, присланного на службу в Енисейский острог в 1638 г. из «старых» казаков:

«И служил я, холоп твой, государю отцу твоему государевой блаженные памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу Всея Руси и тебе ж государю царю и великому князю Алексею Михайловичу Всея Руси в верх великие реки Лены восемь лет и среди Брацкия земли твой государев острог на усть Куленги реки поставил, а то, государь, место угоднее пашнями и сенными покосами и рыбными и звериными ловли многие же и привел под твою государеву высокую руку неясашных брацких людей тысячи с полторы да тунгусов триста человек Да моею ж холопа твоего службишкою во всю великую реку Лену из Верхленского острогу божиею милостию, а твоим государевым счастьем и нашею к тебе, государю, службишкою скотом коньми и коровы и пашенные крестьяне и вся-

ких чинов люди наполнились, а в прежние, государь, годы, которые были кони по пятидесят и шестидесят Рублев и на Илимском волоку и нынече, государь, нашуе службишкою те кони рублев по десяти и меньшеи, а коровы, государь, были рублев по тритцети, а нынече рублев по шти и тем, государь, скотом коньми и коровы завелись многие паиенные крестьяне и всяких чинов люди по великой реке Лене и хлеб, государь, почал быть дешев» [Сборник документов... 1960: 167 (№ 53)].

За эту свою службу в 1651 г. царской грамотой Иван Курбатов был поверстан в дети боярские и переведен на службу в Тобольск [Там же: 167 (№ 53)]. Как видим, московское правительство ценило хорошую государеву службу. Но какие широкие задачи ставило оно перед служилыми людьми, определяя основные задачи освоения Сибири! Это была долговременная политика, направленная именно на включение сибирских территорий в состав Государства Российского. В Брацкой землице служилые строили остроги, собирали ясак, составляли реестр земельных угодий, обеспечивали крестьян скотом, конечно, за счет местного населения, иногда путем отгона, иногда благодаря покупке, охраняли русские поселения, и все это в обстановке постоянных военных столкновений.

Впервые отряды гарнизона Енисейского острога достигли Брацкой земли весной 1628 г. Один из них, состоявший из «старых» казаков и возглавлявшийся сотником стрелецким Петром Бекетовым, отправился вверх по течению Ангары. Второй, в состав которого входили стрельцы, под руководством пятидесятника Василия Черменинова пошел вверх по левому ее притоку Уде. В отряде Бекетова числилось 19 чел. [Сборник документов... 1960: 26 (№ 19)], в отряде Черменинова — 20 [Там же: 19 (№13)]. Таким образом, стрельцы и казаки составляли разные отряды, хотя последних возглавлял стрелецкий сотник.

В дальнейшем, как следует из документов, состав отрядов Енисейского острога был иногда смешанным, стрельцы и казаки составляли единое военное сословие. Так, отряд казацкого атамана Ивана Галкина во время похода в Тубинскую землицу в 1630 г. состоял как

из казаков, так и из стрельцов [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 169–172. № 130]. Однако постепенно служилое сословие Байкальского региона стало в документах именоваться «казаками», и к концу XVII в. название «стрельцы» встречается достаточно редко.

Достигнув сначала Илима, Петр Бекетов, преодолев большие ангарские пороги, поднялся до устья Оки и собрал ясак с икинатов. Ему удалось «привести под высокую государеву руку» нескольких икинатских князцов — Кодогуня, Кодогура, Кулзузу, Адая (далее в документах — Братая), Баяракана, Букина [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 105–112. Д. 43; Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 218 — 220 об. Д. 141]. Затем он поднялся по Ангаре до устья Уды, где получил ясак и с «большого» булагатского князца Омогула. Бекетов пробыл на Ангаре, Илеме, Оке и Уде около года, но с «бращких» князцов он собрал очень небольшой ясак (за 1628 г. — 47 соболей и за 1629 г. — «60 соболей да 27 недособолей с пупки и хвосты, да пластина лисья красная»). Вернулся Бекетов в Енисейск только весной 1629 г. Его успехи в «Брацкой земле» были встречены в Енисейском остроге с большим энтузиазмом.

Еще в январе 1629 г. воевода Василий Аргамаков отправляет к Бекетову с Василием Сумароковым дополнительное «жалование брацким людям олова в блюдах» и наказ «острог поставить и всякие острожные крепости поделать и избы и анбары в остроге поставить» [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22, Л. 284. № 93]. Однако, выбрав место для острога, Бекетов поставить его не успел, кончились запасы продовольствия, пороха и «царских подарков».

На Уде Черменинову удалось взять ясак с ашехабатских князцов Кохони и Кадыма, получив 59 соболей и 3 выдры, и уже осенью он возвратился в Енисейский острог [Сборник документов... 1960: 19, № 14]. Об этом походе известно из его челобитной, поданной на имя царя Михаила Федоровича в 1629 г.:

«Во 137 году ходили, государь мы, холопи твои, из Енисейского острогу на твою государеву службу по Чуне реке в новую землю Брацкую к князцам Кохоню и к Кадыму и привели их под твою государскую высокую руку и взяли с них твой государев ясак с тех князцов и с людьми их пятьдесят девять соболей вново, преж

сего с тое землицы и князцов твоего ясаку не имали
[Сборник документов... 1960: 15 (№ 13)].

Оба похода прошли не просто мирно, и Бекетову, и Черменинову удалось везде наладить с брацкими людьми дружеские отношения, что свидетельствует о политически правильном поведении всех участников этих экспедиций. Результат этих походов говорит о том, что все они неукоснительно следовали постоянно повторяемому наказу и московских, и тобольских властей — коренные народы *«приводить под высокую государеву руку ласкою»*, а ясак собирать *«смотря по тамошней мере, чтобы их <...> государевым ясаком сперва* [Выделено мною. — Л.П.] *не ожесточить»* [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 92–99. № 39].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что икинаты, булагаты и ашехабаты позволили собрать с себя ясак, не оказав сопротивления. Во-первых, встреча с енисейскими служилыми людьми не была для них неожиданной, т.к. вести о приближении нового народа доходили до них давно. Во-вторых, как уже много раз отмечали исследователи, князцы одаривались «царскими подарками» (медной и оловянной посудой, тканями и т.п., товарами, весьма ценными для сибирских народов), что воспринималось как начало «дипломатических отношений». Отдаваемая пушнина расценивалась ими отнюдь не как дань, а как ответные дары, тем более что норма ясака никогда не устанавливалась сразу, а просили столько, сколько могли им дать. «Государево жалованное слово», смысл которого сводился к мирному приглашению войти в подчинение московскому царю, было столь необычным, особенно на фоне отношений с монголами, сопровождавшихся крайней жесткостью по отношению к зависимому населению [Залкинд 1958: 17]. Да и малочисленность отрядов, не проявлявших агрессивности, не вызвала серьезных опасений.

Таким образом, ситуация, складывавшаяся в отношениях с населением «Брацкой земли», обещала, по крайней мере на первых порах, мирный исход присоединения. Однако все изменилось в следующем 1629 г. и связано это было с личностью бывшего воеводы Енисейского острога Якова Хрипунова и контингентом его отряда, который был под стать красноярскому гарнизону.

Яков Игнатьевич Хрипунов происходил боярского рода Хрипуновых-Аничковых-Ряполовских. Предки его в течение нескольких веков находились на государственной службе, но постепенно ветвь Хрипуновых беднела и теряла свое место в иерархии государственной власти. В 1622 г. Яков получает назначение воеводой в самый отдаленный острог Сибири, в Енисейский, и приступает к своим обязанностям уже в 1623 г. О его службе в должности воеводы известно, что он прилагал огромные усилия для достижения «Брацкой земли», трижды посылая туда отряды служилых людей и отправляя об этом донесения в Москву, в которых всячески подчеркивал ее богатство. Более того, он же был инициатором строительства острога на Красном Яру. С этой целью в 1624 г. он посылает вверх по Енисею отряд под командованием Андрея Дубенского для определения места будущего острога, составления чертежа и описания не только самого места, но и всей округи с указанием земель под пашни и сенокосы [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 117–122. № 96].

В эти годы Хрипунов узнает от тунгусов, что «Брацкая земля» богата серебром. После окончания воеводской службы в Енисейском остроге он добивается в Москве царского указа и на строительство Красноярского острога и, главное, на организацию своего собственного похода в «Брацкую землю» для поиска серебряной руды. Но особый интерес вызывает тот факт, что Хрипунов привлекает к походу своего шурина Никиту Воейкова, а для возведения нового острога — своего дальнего родственника Андрея Дубенского [<https://www.proza.ru/2013/10/19/1192>], тем самым стремясь укрепить свое положение на новых богатых землях.

И здесь следует вспомнить об акматической фазе этногенеза с ее императивом — «Я хочу быть самим собой!». И он в полной мере раскрылся в поведении Якова Хрипунова и большей части его соратников, так как в этот период проявились самые потаенные свойства личности, как положительные, так и отрицательные. Богатство Сибири и ее отдаленность от Москвы и контроля власти, а также политическая цель государства как можно быстрее охватить и освоить ее пространства давали людям возможность полностью проявить себя.

Одним из самых ярких примеров проявления отрицательного начала может служить Сибирский губернатор князь Матвей Гага-

рин, страсть которого к богатству не смог выдержать даже Петр Первый, увы, во многом смирившийся с незаконным обогащением своих ближайших соратников. Однако все они прилагали немалые усилия в воплощении замыслов Петра, строительстве нового государства, формировании империи. Поэтому оценка этих людей не может быть однозначной, в каждом из них раскрылась вся гамма личностных качеств, каждый из них был самим собой, и этим они интересны истории, в частности и для понимания процессов этногенеза.

Весной 1628 г. многочисленный по тому времени отряд Якова Хрипунова (около 500 чел.), получивший статус полка, в чем отразилось придаваемое походу особое государственное значение предпринимаемой экспедиции, выступил из Тобольска в Енисейск на 10 кочах с годовым запасом продовольствия и достаточно большим снаряжением. Отряд отправился водою по рекам Иртышу, Оби и Кети до Маковского острога, откуда осенью пошел сухим путем к реке Енисею и зазимовал в Енисейске. Позднее, в 1629 г., енисейский воевода Василий Аргамаков писал в своем донесении в Москву:

«В прошлом во 136-м году шол ис Тобольска в Енисейский острог Яков Хрипунов и служивые люди, его полк, встретья в Нарыме промышленных людей, которые отпущены были из Енисейского острогу в Руссе с соболуиной мяжкой рухлядью, переграбили и соболи у них поимали, а у иных имали за соболи откуп деньгами... А что перекупали в Енисейском остроге з городов служивые люди, которые с ним были посланы для серебра, и он их отпущал по городом, а с перекупных соболей имал десятую он же, а в их место в Енисейском остроге прибрал ярыжных да взял с собою» [Миллер 2005: 132].

Кроме этого, Хрипунов посылает Никиту Воейкова с 12 служилыми людьми на Ангару для разведки серебряной руды, но как изложено в том же донесении:

«И, вперед идучи и назад, имели по Тунгуске с промыслов промышленных людей под себя и под подводы, а с иных промышленных людей имали деньгами, с ватаги рублей по десяти и больше, и платье и запасы. И промышленные люди от Микитина и от служилвых людей насильства и грабежа промышляли мало, а ныне сошли с промыслов осереде зимы, потому что у них запасы пограбили» [Там же].

Отряд Якова Хрипунова, как и Андрея Дубенского, набирался из разных городов Сибири — Пелыма, Сургута, Томска, Тобольска. В него вошли, конечно, как «новоприбранные», так и «старые» казаки, но последних было немного, т.к. воеводы с большой неохотой отдавали тех, кто составлял основной костяк острожных и городских гарнизонов (обстановка в Западной Сибири в военном отношении была очень беспокойной). Большую часть полка Хрипунова составляли промышленные и просто «охочие и гуляшие» люди. Национальный состав их также был достаточно пестрым: русские, черкасы (казаки), немцы, литовцы [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 5б], т.е. те этнические группы, которые легли в основу русского субэтноса сибиряков.

Грабежи, творимые людьми Хрипунова, енисейский Василий Аргаматов пресечь не мог, так как Хрипунов по выданной ему «Наказной памяти» подчинялся Тобольску, да и сил у воеводы для этого не было. Гарнизон Енисейского острога в то время состоял из ста человек, большая часть которых постоянно рассылалась по ясачным волостям уезда и в новые земли. Поход полка Хрипунова совпал с бунтом красноярского гарнизона, да и контингент обоих отрядов был одинаковым.

Весной 1629 г. полк Якова Хрипунова покинул Енисейск и двинулся по Ангаре в «Брацкую землю», где пробыл до лета 1630 г. Через некоторое время вслед за ним двинулась и часть гарнизона Красноярска. Дело в том, что в 1628 г., сразу после возведения острога на Красном Яру Андрей Дубенской получил указание из Тобольска «послать в Братцкую землицу послов для государева ясаку, штобы оне братцкие люди были под государевою высокою рукою»

[СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 127 об. № 105]. Но взятые в проводники аринские князцы Соит и Тымак, сославшись на воинственное настроение тунгусов, вести красноярцев на Уду к ашехабатам отказались, и поход не состоялся. Именно в этот год отряды Енисейского острога впервые достигли «брацких людей» и взяли с них первый ясак, опередив красноярцев и присоединив эти земли к Енисейскому уезду. Но известие об этом, видимо, не успело дойти до Тобольска, чем и объясняется наказ, данный Андрею Дубенскому.

Остановить бунт красноярского гарнизона Андрею Дубенскому не удалось, он смог лишь отмежеваться от него, заявив: «Я де вас не посылаю, не унимаю, как хотите». Однако Наказную память, предписывавшую казакам идти на государеву службу в «Братцкую землю», воевода все же вынужден был дать [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 52. № 28]. Достигнув Енисейского острога, красноярцы приняли решение захватить его, видимо, желая пополнить запасы продовольствия и вооружения, но это им не удалось, енисейцы успешно выдержали осаду. Простояв безрезультатно под Енисейском три дня, эта голодная и обозленная ватага численностью свыше 140 чел. отправилась вверх по Ангаре и добралась до Илима, где соединилась с отрядом Якова Хрипунова [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 56. № 28].

Сам факт попытки красноярцев захватить Енисейский острог показывает, насколько различны по своему составу были эти гарнизоны. И причина их неприязни друг к другу, вызвавшая длившееся около десяти лет противостояние, крылась не только в стремлении «привести под высокую государеву руку» как можно большее число коренного сибирского населения и собрать большой ясак, но и в этносоциальном их составе. Более того, в поведении красноярцев достаточно явно проявляется основа менталитета великороссов — некая отчаянная попытка прорваться в Брацкую землицу без запасов продовольствия, без должного военного снаряжения, что называется «на авось».

Грабежи красноярцы начали сразу, как только отплыли от Енисейского острога. Уже в том же 1629 г. в отписке в Москву «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу» енисейский воевода Василий Аргамаков сообщал о них:

«И пошли в Тунгуску (Ангару. — Л.П.), и в Тунгуске, государь, реке промышленных людей, которые было пошли на соболиные промыслы, многих переграбили до нага и запасы у них всякие и соболиные промыслы и котлы и ружья всякое и суды поимали [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 55. № 28].

Достигнув в устье Оки улусов икинатов, красноярцы стали требовать ясак. Но те уже заплатили его Петру Бекетову и фактически преподнесли ему ответные дары (а вторично давать не собирались). Они оказали вооруженное сопротивление, и красноярцы стали громить их. Судя по «отпискам» красноярцев в Москву, они разорили улусы ашехабатов выше по течению Оки, а затем, поднявшись вверх по Ангаре до Уды, и булагатов, т.е. все те самые улусы, в которых побывал Петр Бекетов и которые считались уже ясачными [Миллер 2005: 198].

Яков Хрипунов, достигнув Илима, ставит здесь зимовье, оставляет большие суда, основную часть продовольствия и 20 чел. охраны, отряд в 30 чел. отправляет вверх по Илимугу на Лену, а сам во главе остальных идет сухим путем вдоль Ангары на юг к озеру Байкал. Но дойти ему удастся только до Уды. Ожесточенное вооруженное сопротивление, оказанное булагатами, заставляет его вернуться в Илимское зимовье, рядом с которым он ставит на Кошевом Яру небольшой острожек, укрепляя свои позиции на будущее. Однако 17 февраля 1630 г. он неожиданно умирает. Здесь важно отметить, что, несмотря на несколько одержанных побед, отряд численностью около 400 чел. (не считая красноярцев), вооруженных огнестрельным оружием, вынужден был отступить, явно опасаясь поражения. Это свидетельствует о том, что большая часть людей, входившая в эти отряды, не принадлежала ни казакам, ни к стрельцам, т.е. к военному сословию [Окладников 1937: 54].

Сопротивление, оказанное «брацкими» людьми, произвело на хрипуновцев сильное впечатление. Когда весной 1630 г. енисейский воевода Семен Шеховской хотел усилить отряд Максима Перфильева, направленный для строительства Братского острога, за счет людей Хрипунова, находящихся в Илимском зимовье, те кате-

горически отказались идти верх по Ангаре, «потому что брацкие де люди их не пропустят, учнут убивать» [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 149 об. — 152 об. № 124].

Уже после смерти Хрипунова 8 апреля 1630 г. в острожек к хрипуновцам приезжает из Енисейска казачкий десятник Вихорь Савин, участник похода в Брацкую землю Петра Бекетова в 1628 г. Он застаёт полную анархию. Как отписал в Енисейск воеводе Вихорь Савин, *«не ведают над собой небольшое, как хотят, так и воруют»*, а один из служивых полка Хрипунова, немец Анца из Тобольска *«стал говорить: мы де на томской и енисейской указ не слушаем и не гледи́м»*. Завершает свою «отписку» Савин словами, объясняя, почему посылает ее: *«И то, государь князь Семен Иванович, для ради того, чтобы земли были в окладе, а как бы брацкие люди убивали»* [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 31. Л. 59].

В приведенном выше документе, позволяющем представить погром 1629 г. и понять развитие дальнейших событий в Предбайкалье, достаточно ярко вырисовываются резко отрицательная оценка анархии в Илимском зимовье и казачьего десятника Вихоря Савина, и воеводы Шаховского в его «отписках» в Тобольск и Москву. Это позволяет говорить о том, что в среде гарнизона Енисейского острога, состоявшего из «старых» казаков и стрельцов, отношение к задачам службы было в значительной степени окрашено пониманием государственной политики и своей роли в освоении Сибири. Это лежало в основе их менталитета, подпитывая осознание законности четкой иерархии власти и подчинения низшего уровня высшему. Об этом свидетельствуют многочисленные челобитные, поданные в большинстве своем казаками и реже стрельцами на имя московских царей. Значительная их часть относилась к нехватке хлебного и денежного жалования. Все они заканчивались словами «чтоб нам холопом твоим службы не отбыть».

Во всех документах, последовавших за походом Хрипунова и красноярцев в «Брацкую землицу», события эти расцениваются исключительно как «погром, учиненный Якова Хрипунова полком и красноярцами», и в течение пяти последующих лет и сибирские, и московские власти прилагают огромные усилия для восстановления мирных отношений с «братскими» народами. Однако все они

оказались напрасными. В сущности, Хрипунов и красноярцы «порушили службу» гарнизона Енисейского острога в «Брацкой землице». Но енисейцы продолжали продвигаться в ее пределы. 20 июля 1630 г. на Лену уходит отряд казаков и стрельцов под командованием атамана Ивана Галкина, а 3 августа выступают на Ангари атаман Максим Перфильев и десятник Семейко Родюков, также возглавляя отряд казаков. Таким образом, с учетом возникшей в «Брацкой землице» ситуации туда направляются, главным образом, казачьи отряды. Это свидетельствует о том, что как сибирские, так и московские власти хорошо представляли себе возможности казачества, полагаясь на него в наиболее сложных ситуациях.

Отряды эти были чаще всего по 20–30 человек, двигались они на больших судах, со значительным запасом продовольствия, «царского жалованья» и оружия, а в выданных им «памятях» указан сбор ясака и возведение острогов. Видимо, учитывая военные столкновения в Предбайкалье 1629 г., во всех «памятях» русским отрядам предписывается идти *«бережно и усторожливо с караулом»*, но при этом многократно повторяется наказ о том, что коренные народы *«приводить под высокую государеву руку ласкою»*, а ясак собирать *«смотря по тамошней мере, чтобы их <...> государевым ясаком сперва не ожесточить»* [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 92–99. № 39].

Отряд во главе с Иваном Галкиным доходит до правого притока Илима реки Идирмы и ставит здесь небольшой острог, тем самым укрепляя путь на Лену, собирает значительный ясак с местных тунгусов (налягиров и шамагиров), одаривая их «царским жалованием» — оловянной посудой и бисером [Миллер 2005: 154 (№ 12)]. Летом Иван Галкил достигает Лены и ставит в устье Куты зимовье, через год перестроенное Максимом Перфильевым с отрядом казаков в Усть-Кутский острог [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 103–108]. 15 сентября Галкин посылает четырех казаков с налягирским проводником Ботогуном вверх по Лене к налягирскому князю Гипке (в более поздних документах его именуют Липке).

«И тот, государь, князец Гипке дал великому государю ясак с себя и своих людей вново 67 соболей; а преж

того <...> платил, государь, он ясак братьям; а братья, государь, живут от Гипки князца по Лене вверх 2 дни» — сообщает в своем донесении Семен Шаховской [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 109].

В этом документе обращает на себя внимание тот факт, что за ясаком отправляются всего четыре казака, несмотря на близость брацких людей, которые после погрома Хрипунова и красноярцев явно относились к русским негативно. Тем не менее в течение всей первой половины XVII в., когда противостояние между брацкими народами и отрядами служилых людей носило характер самой настоящей войны, как только какие-либо улусы давали «шерть» о подчинении русскому царю, за ясаком отправлялось от двух до шести человек. Как правило, это были казаки. Но в этот период политическая ситуация в регионе была очень нестабильной, зачастую, дав «шерть» вынуждено после поражения в военном столкновении, братья изменяли присяге и убивали сборщиков ясака, о чем свидетельствуют многие документы. Тем не менее казаки продолжали отправляться за ясаком небольшими группами, не считаясь с грозящей им опасностью.

Гибель подстерегала их и в неожиданных нападениях, которым они подвергались со стороны как братьев, так и тунгусов. Например, весной 1631 г. на Усть-Кутское зимовье на часть отряда Ивана Галкина, находившуюся в это время на притоке Лены реке Куте, совершили нападают тунгусы (мучугиры и шалягиры) с Нижней Тунгуски. В боях с ними казаки теряют восемь человек, что было достаточно ощутимо для отряда в 30 человек [Миллер 2005: 154 (№ 12)].

Весной 1631 г. из Енисейска с отрядом из 20 чел. уходит по Тасевой реке на Чуну и далее на Уду к ашехабатам атаман Михаил Шорин, где совершенно неожиданно на него нападает со своими людьми князец Кориндей, который в 1628 г. весьма доброжелательно встретил отряд Череминова и добровольно заплатил ясак, дав шерть на верность московскому царю. В этом столкновении казаки не понесли никаких потерь, но шесть человек было ранено [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 121].

Поход атамана Максима Перфильева и десятника Семена Родюкова с казачьим отрядом на Оку (левый приток Ангары) считался

самым важным событием 1630 г., так как именно на Перфильева возлагались надежды окончательно загладить учиненный Хрипуным и красноярцами погром и укрепить позиции русских в Брацкой земле, поставив там острог [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 118. № 46]. Однако поставить острог не удалось, так как «брацкие люди вверх по Ангаре не смирны: хотят з государевыми служивыми людьми битца для того, что они люди грабленные и совсем разорены» [ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 115. № 43]. Весной в помощь Перфильеву один за другим посылаются два отряда, сформированные в основном казаками, и этими объединенными силами острог удастся возвести [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 198. № 136].

Однако уже через месяц, 20 августа, в Енисейск приходит известие от Василия Москвитина и Петра Ропота:

«Августа в 8-й день прислали им брацкие люди в острог кыстымов 3-х человек шамана с товарищи а велели им служивым людям сказать, что они брацкие князцы от твоей государской милости отложились и тебе государю изменили и ясаку с себя и с своих улусных людей тебе государю давати не хотят <...> и звали их служивых людей к себе битца» [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 195–204. № 136].

Следом за этими отрядами 31 мая 1630 г. уходит на Лену на перемену Ивану Галкину с 30 служивыми людьми стрелецкий сотник Петр Бекетов. Наказ, данный ему воеводой Семеном Шеховским, обязывал Бекетова разослать служивых из Усть-Кута к тунгусским и «братцким» людям и призывать их в острог [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 127. № 49].

1 сентября Бекетов с отрядом в 20 чел. поднимается вверх по Лене до реки Куленги и, оставив здесь суда под охраной нескольких человек, отправляется степью к улусам эхэритов. Он строит в лесу засеку в виде сруба с бойницами и надолбами и отправляет к эхэритам тунгусского шамана известить их о «государевом жалованном слове» и явиться к нему с ясаком. 26 сентября князцы Бокой и Борочей с большим отрядом воинов, численностью 60 чел., приезжают к укреплению русских. Видя, что все они вооружены,

Бекетов соглашается впустить их только при условии, что оружие они с собой не возьмут. Эхэриты соглашаются, но тайно проносят с собой под тулупами сабли. В укреплении Бекетов произносит перед ними «государево жалованное слово» и получает в ответ совершенно унижительный ясак — «5 недособолишек да лисиченко красное вешиное со всех своих людей». Более того, никакого уважения к словам Бекетова они не проявили и «почали они говорити: ясаку де мы с себя ни в какую землю не даем, а сами со многих землиц ясак емлим, а ныне государю вашему ясаку не дадим и вас к себе в холопи розберем, ис своей земли вас не выпустим» [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 129–131. № 49]. В результате начался бой. Служилым с трудом удалось отбиться и, захватив у эхэритов лошадей, добраться степью до устья Тутуры. В этом бою из отряда Бекетова был ранен только один человек. В донесении сотник сообщал, что «брацких людей» они убили 40 чел. и многих ранили, но сведения эти не вызывают доверия, так как при таком поспешном отступлении, как он описывает, считать убитых времени явно не было.

Приведенные выше документы в полной мере раскрывают стереотипы поведения главным образом «старых» казаков в Предбайкалье, где в силу определенных обстоятельств возникла напряженная военная обстановка. Прежде всего поражает колоссальная выносливость и сила духа этих людей, которые при постоянных военных столкновениях строили остроги, собирали ясак, составляли «Чертежные росписи», снабжали крестьян и людей «других чинов» скотом. Обращает на себя внимание и малочисленность этих отрядов, и ничтожная численность сборщиков ясака, что, безусловно, свидетельствует о безграничной храбрости и мужестве казаков, а также преданности идее государственного строительства. Следует подчеркнуть, что за 30 лет служилые люди, значительную часть которых составляли казаки, возвели девять острогов, ставших опорными пунктами покорения коренных народов и оплотом освоения предбайкальских земель — Илимский (1630), Братский и Усть-Кутский (1631), Верхоленский (1641), Осинсиуй (1644) Култукский (1647), Баргузинский (1648), Балаганский (1654) и Иркутский (1661).

Сопrotивление коренного населения Предбайкалья, главным образом «брацких» народов, постоянно возрастало и в 1640-х годах

достигло своего апогея. И тогда снова начинают набирать «охочих, гулящих и промышленных людей». В 1642 г. пятидесятинику Василию Горемыкину по царскому указу:

«Велеть на Илеме и на Муке прокликать всем торговым и промышленным и всяким охочим людям, хто похочет государю послужить, и они шли с ним Васильем в Братской острожек на государевых непослушников на братских людей. И то им сказать <...> будет братских неясачных людей повоюют и под государеву руку <...> приведут и аманатов возьмут и им будет всем всяким людем за ту их службу государево жалованье, а что будет возьмут, у тех братских неясачных людей войною скоту, лошадей, и коров и иной какой рухляди и тово у них ничего ко государю не возьмут, и та добыча вся им всяким охочим людем вместе с служивыми людьми, а полон, который возьмут улусных людей, а не князцей и не их детей и не жен, и тот полон по государеву указу велено на выкуп братским людем отдавать, а даром тово полону их имать у них опричь братных людей не велено» [Сборник документов... 1960: 39 (№ 26)].

В дальнейшем такие наборы осуществлялись достаточно часто, но это были временные военные соединения, и после выполнения конкретной задачи основная часть набранного контингента возвращалась к своим занятиям. Для темы данной статьи представляется важным тот факт, что некая часть этих людей стремилась попасть в отряды служилых казаков. Так, имеется челобитная на имя царя Алексея Михайловича от служилого человека Максима Телицина из Березова, который воевал в Предбайкалье с Иваном Курбановым, с просьбой о зачислении его в рядовые казаки [Сборник документов... 1960: 166 (№ 52)]. И таких челобитных, как можно полагать, было немало. А несколько ранее, в 1638 г., на имя государя подает челобитную и бывший стрелецкий сотник, а в тот год уже сын боярский Петр Бекетов с просьбой о «поверстании его казачьим головою» [Сборник документов... 1960: 166 (№ 52)]. Просьба Бекетова,

по всей видимости, была вызвана тем, что ему предстояло командовать крупными отрядами казаков, которые, как можно предположить, составляли значительную часть служилого люда. Это обстоятельство представляется важным, так как определить соотношение казаков и стрельцов далеко не всегда представляется возможным: в большинстве случаев в документах указывается «служилые люди».

Таким образом, с 40-х годов XVII в. в Предбайкалье, а затем и в Забайкалье в ряды «старых», подлинных казаков постепенно вливались люди из многих городов и острогов Сибири, не говоря уже о «новоприбранных» казаках, которые постепенно сливались с ними уже на протяжении XVIII в. в Забайкалье, когда началось интенсивное укрепление государственной границы с Китаем [Васильев 1918]. С достаточной долей уверенности можно полагать, что процесс этот был для них вполне естественным, так как аналогичная ситуация складывалась в южных районах Восточно-Европейской равнины, в степных районах Дона, Волги, Днепра, которые явились «местом развития» казацкого. Несмотря на оторванность от своей родины, «старые» казаки сохранили самосознание и выработанные в южных пределах стереотипы поведения. Им удавалось постоянно прививать эти стереотипы внедрявшимся в их состав разнородным этническим элементам, что и стало причиной зарождения забайкальского казачества, четко осознавшего не только свою идентичность, но и родство с другими казацкими субэтносами не только Сибири, но и европейской части России.

Определенное единство стереотипов поведения пока еще достаточно смешанного в этническом плане служилого люда, находящегося в составе казаков, особенно ярко проявилось в самом крупном сражении с «бракскими» народами Предбайкалья в 1645 г. Осенью этого года в Енисейск от казачьего атамана Ивана Курбатова поступило сообщение:

«А братцкие люди всею землею в скопе хотят итти вниз по Лене реке на пашенных крестьян на Орленгу и на усть Куты реки, а в то время приходит на усть Куты реки из Якутского острогу государева соболиная казна.» [Сборник документов... 1960: 91. (№ 38)].

Это первое по-настоящему мощное выступление скотоводческих народов Предбайкалья против служивых отрядов. В походе приняли участие булагаты, ашехабаты и икинаты с Оки, эхэриты, готелы и хонгодоры. На Ленском волоке русские срочно укрепляют отряд Усть-Кутского гарнизона «промышленными и охочими людьми», доводя его численность до 130 чел. Во главе с сыном боярским Алексеем Бедаревым он выступает 6 октября из острога вверх по Лене в Верхоленский острог. Немного выше устья Орлинги, в урочище у речек Ботов 31 октября русские встретились с объединенным войском «братов», в котором насчитывалось приблизительно 500 чел. Документы позволяют представить характер боя. Братские народы повели его в обычной для кочевников манере: быстрые конные атаки со стрельбой из луков (но панцири русских стрелы не пробивали), а в ответ конница получала ружейные залпы. Вот как описывается это сражение в донесении якутского воеводы Василия Пушкина:

«А на том бою убили у них брацких людей 3-х добрых брацких мужиков, в том числе одново брацкого лутчево мужика убили Котогорского роду (хонгодорского. — Л.П.), наездника, который к ним в наезде напускал с людьми на все 3 напуска, князца Магалчюкова брата Баатыря и, убив ево, у них взяли со всем в кюяке с наручи и в шишаке и с саадаком, а иных де, государь, многих брацких людей и под ними коней испереранили [Сборник документов... 1960: 91 (№ 38)].

Видимо, Баатыр возглавлял войско, так как его смерть вызвала панику и «брацкие люди <...> побежали». И причина этого не только в разнице вооружения. Братское войско представляло собой стихийное объединение, состоявшее из воинов разных предбайкальских народов и не имевшее четкой внутренней организации. Отряды служивых тоже были сборными, но основу их составляли казаки, имевшие огромный опыт военных действий, а, кроме того, за всеми ими стояло государство.

Более того, все документы этого периода свидетельствуют о необычайной силе духа острожных отрядов. И это не потому,

что составлены они самими служилыми и могут преувеличивать их храбрость и выносливость. Достаточно представить себе, как отряд в 70 или даже в 130 чел. пеших воинов, хотя бы и вооруженных «огненным боем», психологически выдерживает в открытой степи атаку конницы численностью 200–500 всадников, чтобы понять, насколько высок был уровень пассионарности этих людей. В острогах в течение нескольких дней 15–20 чел. выдерживали осады, организованные отрядами от 200 до тысячи воинов, не говоря уже о сборщиках ясака, которые по несколько человек отправлялись в братские улусы, никогда не зная, какой прием им там окажут.

Вся эта обстановка необычайно ярко отражена в речи якутского воеводы Петра Головина, с которой он выступил в 1645 г. перед аманатами «брацких» людей (эхиритов) Булуем и Чекаром, перечисляя постоянные измены «шерти», данной на верность московскому государю. Прежде всего, воевода отмечает «злодеяния» их князца Куржума, который, попав в плен после очередной измены:

... и бил челом перед воеводой, великому государю шертовал на том, что ему Куржуму быть с своими со всеми Икережскими роды и с улусными людьми под государевою высокою рукою в вечном холопстве ... и после шерти за то ему Куржуму стольники и воевода Петр Головин с товарищи государева жалования дали однорядку, и поили и кормили ... [и в его улусы отпустили] ... тот Куржум своровал ... и выманил из Верхоленского остргу государевых служилых людей Мартынка Кисоркваса да толмача Гаврилка новокрещенова с товарищи шти человек для того, будто ево улусных людей, для государевых же братцких людей переписать, приведчи в свои улусы, побил досмерти. Да после того как на Аргару посыланы служилые и промышленные люди Семейка Скороходов с товарищи 30 человек и вы сворovali же, и тех служилых и промышленных побили 18 человек ... [Сборник документов ... 1960: 56 (№32)].

Подобными сведениями наполнены все документы первой половины XVII в.

В течение 1645–1648 гг. из Верхоленского острога совершаются один за другим военные походы, в размахе которых проявляется неумная удаля. Казачьи атаманы Иван Курбатов, Алексей Бедарев и Козьма Супунев не только водят отряды на эхэритов, булагатов и готелов, улусы которых располагались между Леной и Ангарой, но и переправляются за Ангару, громя улусы булагатов, ашехабатов и хонгодоров [Сборник документов... 1960: 55–94 (№ 32, 35, 37, 38)].

Продвижение, главным образом, казачьих отрядов «за Байкал озеро» начинается в самом конце 1630-х годов и так же, как в Предбайкалье, идет с двух сторон — из Якутска и Верхоленска по правым притокам Лены, Верхней Ангаре и Баргузину, а из Енисейска по Ангаре и далее через Байкал. Стимулируют это продвижение опять же известия о богатстве забайкальской земли серебром, так же, как в 1620-х годах. К сожалению, размер статьи не позволяет подробно остановиться на описании этого движения, но о его стремительности и удивительной энергии участников можно составить представление уже по первым походам.

В 1638 г. из Якутска на юг отправляется с отрядом казачий атаман Максим Перфильев; поднимаясь вверх по Витиму, он собирает среди тунгусов сведения о забайкальских землях и народах. Русские власти узнают от него о даурах, которые проживают в верховьях Витима и Шилки, имеют скот, пашни и большое количество серебра [Сборник документов... 1960: 38 (№ 25)]. Затем уходит в 1644 г. из Енисейска отряд казачьего атамана Ивана Колесникова. В 1645 г. он достигает Байкала и по северо-западному берегу доходит до Приольхонья. Здесь он зимует и летом 1646 г. доходит до Верхней Ангары, где ставит новый острог (Верхнеангарский). На побережье Байкала он собирает ясак с тунгусов камчагиров, выдерживает несколько их нападений и захватывает в плен князцов Котегу и Мукотея [ДАИ, 1848, III: 69–70, (№ 15)]. Они и объясняют ему путь в Забайкалье и далее в монгольские земли к Цэцэнхану, и Колесников отправляет казачьего десятника Москвитина с несколькими людьми в Монголию. Москвитин спускается по Бар-

гузину, доходит до Еравнинских озер, по Уде достигает Селенги, поднимается по ней немного вверх и затем степью добирается до табангутского князца Турухая табунана, а затем и до Цэцэн-хана [Сборник документов по 1960: 112–117 (№ 42)].

И мунгальский царь Чичин [Цецен-хан. — Л.П.] велел их служилых людей вести к себе, а идучи им велел видя юрту свою перед нею кланяться и садитца на коленах.

И служилые люди милостию небесного царя и памятуя ево государево и великого князя Алексея Михайловича всея Руси крестное целование и милость не бояся его мунгальского царя слова к нему не пошли и государева жалования ему посылки не дали [Там же: 116].

Итак, несколько казаков во главе с десятником Москвитиным, находясь во владениях Цецен-хана, отказываются выполнить принятый при ставке традиционный ритуал, символизирующий поклонение и покорность монгольскому хану, видя в нем оскорбление христианской веры и нарушение присяги российскому государю. Это один из ярких примеров, раскрывающих основы менталитета казаков — бесстрашие, внутренняя гордость, глубинное ощущение своей православной сущности. Важно отметить, что, несмотря на столь дерзкое поведение, Москвитин с товарищами были приняты при ставке, хотя из документов не вполне ясно удостоились ли они приема самого Цецен-хана, но

... велел мунгальский царь Чичин ... [их] кормить довольно ... и велел их от себя проводить ко князю Турокаю табунату с честью бережно [Там же].

Однако освоение русскими Забайкалья в целом, как уже отмечал Е.М. Залкинд, носило несколько иной характер, чем Предбайкалья [Залкинд 1958: 54]. Он был обусловлен, с одной стороны, наличием в этом регионе множества небольших разноэтничных групп населения, вытесненных на периферию степного региона

в результате распада Монгольской империи и не оказавших организованного сопротивления русским. С другой стороны, присутствие здесь таких крупных этносов, как табангуты и хоринцы, а также близкое соседство с сильными северомонгольскими княжествами Тушету-хана и Цэцэн-хана заставляло русских действовать с большей осмотрительностью. Однако часто военные столкновения носили достаточно напряженный характер. Так, в 1644 г. казак Енисейского острога в чине сына боярского Иван Похабов с отрядом численностью 100 человек продвигается через Байкал и вверх по Селенге. В своем донесении в острог сообщал:

... и бои с ыноземцы у нас, холопей твоих по тем рекам и на Байкале озере были многие, и на тех боях мы, холопи твои, многих людей били и ясырь у них имали женок и робят больше 70 человек, и под твою государеву высокую руку тех людей привести и чтоб они тебе, государь, ясак с себя давали ... мочи столько не стало, потому что люди многие и конны, а живут в скопе и от рек откочевали [Сборник документов ... 1969: 134 (№ 47)].

Однако этот погром большого табангутского улуса вызвал серьезные политические осложнения. Князец Турухай, узнав об этом событии, задержал находящихся у него казаков из отряда Москвитина и объявил Ивану Похабову, что убьет их, если тот не отпустит весь захваченный ясырь. Условие пришлось выполнить и отправиться к князю за пленными. В своей челобитной, направленной в Сибирский приказ на имя Алексея Михайловича, он подробно описал этот поход:

И я, холоп твой с служилыми людьми 14 человек ходил к Табунаю на лыжах, шел 15 дней и под того Якунку и товарищей его тот ясырь и соболи отдал ... И ходил я, холоп твой, к мунгальскому царю к Цысану [Цеценхану — Л.П.] для проведования серебряной руды Китайского государства, а ехал я, холоп твой, до царя Цыцана 2 месяца и поднес ему царю в подарок 2 сорока соболей

да 5 аршин сукна аглинского красного да сукна кармазину вишневого ... А про серебряную руду царь Цысан сказал мне, холопу твоему, серебряные де руды у него нет, а в Китайское государство меня, холопа твоего не пропустил [Там же].

Этот рассказ Ивана Похабова дает ясное представление и о характере самой военной службы в Сибири, в частности в Байкальском регионе, и об основных чертах менталитета казаков. Две недели зимой на лыжах, чтобы выручить товарищей, а потом еще два месяца пути в ставку монгольского хана для выяснения наличия серебряной руды в Китае. Поиски серебра были одной из задач, которую Московское правительство ставило перед служилыми людьми во всей Сибири. Сведения о наличии серебра в «Брацкой земле» поступали в Енисейский острог еще до того, как отряды служилых людей достигли ее, но здесь выяснилось, что серебро «братья» покупают у монголов, к которым оно поступает из Китая. Именно стремление выполнить государственную задачу гнало казаков к Цецен-хану, причем, судя по затраченному времени, они проделали этот путь на лыжах и готовы были идти дальше в Китай, что свидетельствует о необычайной устремленности в достижении поставленной цели. Хотя не следует забывать, что здесь присутствовала и личная заинтересованность: за хорошую службу полагось поощрение.

В Забайкалье непосредственно с казаками связаны наиболее значимые события в истории региона второй половины XVII — начала XVIII в. Это прежде всего завоевание Даурии и оборона Албазина, а также победа над объединенным войском монголов и табангутов в 1687–1688 гг., победоносное сражение с войсками монгольского Очирой-хана, заключение мира с правительством маньчжурского Китая и установление русско-китайской границы⁶.

⁶ Кроме того, за вторую половину XVII в. казаками в Забайкалье было возведено восемь острогов: Албазинский (1650, 1665), Нерчинский (1653, Шилкинский (1653), Иргенский (1653), Телембинский (1658), Селенгинский (1665), Удинский (1665), Аргунский (1681).

В марте 1649 г. якутскому воеводе Дмитрию Франценбекову поступает челобитная от Ерофея Хабарова об организации похода в Даурскую землю, охватывающую восточное Забайкалье и западное Приамурье, известия о которой были получены несколько ранее. Сведения эти поражали воображение: земли богаты пашнями, сенокосными и охотничьими угодьями, имеется серебро, а населяющий их народ дагуры занимаются земледелием, бортничеством, разводят лошадей. Перед Хабаровым были поставлены очень широкие задачи — приведение «под государеву высокую руку» дагуров, тунгусов и других «неясашных людей».

... и на Государя с них ясак имати, соболи и шубы собольи, и ожерелья, и пластины собольи, и наполники собольи, и лисицы черные и чернобурые и бурые и черночеревые и красные, и шубы горностальи, и бобры, и выдры ... и иными какими зверьми, или узорчными товары, что у них в земле есть, золото, или серебро, или камки или камень дорогие ... и ис них имать скотом, по их изможенью, а затем бы они не роздумывали, что для своей ясачной звериной скудости, им не быть под Государевой высокою рукою ... [АИ 1842, IV: № 31].

Столь жестких Наказных памятей ни ранее, ни потом не было. Здесь явно отражено стремление России как можно быстрее предъявить свои права на эти земли, что связано с уже вполне реально ощущаемой угрозой со стороны маньчжурского Китая, правительство которого давно раздражало появление российских вооруженных сил в Забайкалье.

Поход Хабарова проходил в сложной обстановке. Сначала несколько дагурских князцов со своими людьми покинули свои земли и «города», откочевав под покровительство Цинской династии. Ерофей Хабаров посылает к ним служилых людей с предложением принять русское подданство, но это не принесло результатов. Затем дагурские князцы предприняли попытку объединиться, и в течение 1650–1651 гг. отряд Хабарова отражает их постоянные нападения. Однако дагуры понесли поражение, а русские погромили

многие их улусы. В 1651г. они вынуждены были заплатить Хабарову ясак в количестве «четыре сорока шесть соболей» [АИ 1842, IV: № 31]. От пленных дауров постоянно поступали сведения об угрозе со стороны маньчжурского Богдыхана (Императора). Так, пойманные при нападении на улус князца Емарды «языки»:

... сказывали, что де где будет Русские люди в Даурской земли город поставят, и Богдойский де царь хочет послать нынешние зимы своих Даурских многих людей тысяч с сорок и больше с огненным боем и с пушки [Там же].

Таким образом, в начале 50-х годов XVII в. определяется столкновение геополитических интересов двух крупнейших государств Евразии Нового времени. Интересно отметить, что в начале маньчжуры стремятся остановить русских силами самих дауров. Однако их поражения и успешное продвижение казаков и русских по Амуру заставили Цинское правительство начать военные действия. Впервые они появляются на Амуре в 1652 г., а в 1659 г. атаман Артемий Филиппов сообщает в Енисейский острог, что в июне месяце несколько ниже устья Шилки:

... пришли на них Богдойские люди с великим войском на сороке на семи бусах (больших долбленых лодках — Л.П.), с большим огненным нарядом, с пушками и мелким оружием, и на де Амурских служилых людей напустили, и из пушек с судов их сбили, и государеву ясачную соболиную казну прежнего сбору приказного человека Онофрея Стефанова с товарищи отбили ... восемьдесят семь сороков в шубах и лисицах красных ... и приказного человека Онофрия Стефанова да служилых людей двести семдесят человек на том бою убили (всего в отряде Филиппова было 497 чел. — Л.П.) [АИ 1851, IV: № 64].

Периодические столкновения с императорскими войсками продолжались вплоть до заключения Нерчинского договора 1689 г.

между Россией и Китаем. Самым крупным российским укрепленным пунктом в Даурии был Албазинский острог, гарнизон которого состоял исключительно из казаков. В течение 1960–1970-х годов население вокруг острога быстро росло. Сюда на вольные и плодородные земли отовсюду стекались крестьяне, промышленники и другой люд. В 1672 г. в Албазин для управления острогом был направлен представитель власти — приказчик, а через десять лет было основано Албазинское воеводство, включившее в себя территорию Приамурья от слияния рек Аргуни и Шилки до устья реки Зеи [Артемьев 1999]. В июне 1865 г. острог был осажден, а затем и атакован маньчжурскими отрядами. В результате штурма крепость была разрушена, после переговоров гарнизон острога отступил в Нерчинск. Заново отстроенный и укрепленный по всем правилам фортификации Албазин в 1686 г. вновь был осажден восьмидесятысячным войском маньчжур. Гарнизон Албазина на тот момент насчитывал не более 800 казаков. 7 июля 1686 г. на Амуре у Албазина появился Цинский флот; началась высадка войск на берег. Воевода Толбузин решил помешать ей и послал часть своих сил на вылазку, которой руководил Афанасий Бейтон. Атака казаков, поддержанная артиллерийскими залпами с крепостных валов, внесла расстройство среди высаживавшихся войск. Затем последовал непрерывный артиллерийский обстрел, а через неделю Цинские войска устроили общий штурм, однако албазинцы не только отбили приступ, но и сами сделали вылазку, дойдя до вражеского лагеря у речного берега [Александров 1984: 144–154].

Осада Албазина длилась пять месяцев, и в течение этого времени казаки устраивали постоянные вылазки, нанося маньчжурам серьезный ущерб. К осени среди защитников Албазина началась эпидемия цинги, погибло несколько десятков человек, но гарнизон не сдавался. В сентябре маньчжуры предприняли масштабный штурм, но казаки успешно отбили неприятеля. В октябре последовал новый штурм, но казаки снова выстояли. К декабрю в Албазине оставалось в живых всего 150 казаков, из которых только 45 могли нести караульные службу, остальные «оцынжали» и лежали больными. Но взять Албазин Цинским войскам не удалось, они по-

несли большие потери, которые по приблизительным подсчетам оценивались в 2,5 тыс. чел. [Мелихов 1974: 175–184].

Оборона Албазина вошла в историю как пример безграничного мужества и стойкости казаков, но к этой оценке следует еще прибавить свойственное им непринятие самой мысли о поражении, о сдаче в плен неприятелю, высокое чувство долга. Как гласит поговорка, *Казачья смелость порушит любую крепость*.

В конце 70-х годов подстрекаемые Цинским Китаем монголы и табангуты начинают совершать постоянные нападения на забайкальские остроги, окружающие их крестьянские поселения и кочевья «ясачных иноземцев», отгонять скот и табуны лошадей. В ответ служилые люди, главным образом казаки Нерчинского и Селенгинского острогов, стараются предотвратить эти набеги, в чем им начинает помогать коренное население края [Залкинд 1958: 64]. В августе 1684 г. монгольский отряд численностью около 50 чел. появляется под Тункинским острогом [Сборник документов... 1960: 285, (№ 88)]. В сентябре 1684 г. на Китою и Белой появился небольшой отряд монголов, которые приехали, как они объясняли, навестить своих родственников, но на деле они скупали пушнину, а где было возможно отгоняли и скот [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 20, Л. 78].

В 1687 г. начались серьезные военные нападения на Забайкалье. Конные отряды Очирой Сайн-хана осадили Селенгинск и двинулись к Верхнеудинску. Но когда разнесся слух о нападении на Селенгинск, рассредоточенные в регионе казаки и стрельцы двинулись на помощь осажденному городу. Во время осады в Селенгинске была одна рота стрельцов (98 чел.), 137 казаков, 49 мещан и купцов, 10 подьячих, всего 294 чел. Возглавил оборону Селенгинска бывший гетман малороссийский Демьян Многогрешный, сосланный в Сибирь по обвинению в измене Москве. В остроге находился и его сын Иван, сражавшийся вместе с отцом. Так же, как и при осаде Албазиным, казаки во главе с гетманом сделали вылазку, наголову разбив монголов в долине недалеко от Селенгинска. Далее последовало еще несколько сражений, в которых, несмотря на значительный численный перевес, монголы потерпели поражение и не смогли взять ни одного острога, отступив в свои земли [Васильев 1916:

189–191]. Правительство Российской империи, обеспокоенное положением дел в Забайкалье, отправило сюда посольство во главе с великим и полномочным послом России Федором Алексеевичем Головиным, для дипломатических переговоров с монгольскими правителями. Головина сопровождали 1400 казаков и 200 стрельцов [Васильев 1916: 324].

В 1688 г. полк Ф.А. Головина фактически был окружен под Селенгинском крупными силами Очирой Саин-хана (Тушету-хан), правителя одного из крупнейших княжеств Северной Монголии, с которым выступило еще шесть монгольских тайшей и табангуты [Шастина 1958: 131, 140–141]. Полк Головина был вынужден принять бой и, несмотря на значительное численное превосходство сил противника, заставил монголов отступить [Там же]. В это время по всем острогам Предбайкалья и Забайкалья русские власти набирают казачьи отряды и ополчение из «брацких» людей.

Победа этих объединенных сил над монголами создала предпосылки для заключения мира между Россией и Китаем. Заключение в 1727 г. действительным статским советником графом Саввой Владиславичем Рагузинским Буринского договора с Китаем и его ратификация в 1629 г. определили границы между этими государствами и юридически закрепили Байкальский регион в составе России. Это привело к полной стабилизации этнополитической ситуации в Забайкалье, бурному развитию хозяйственного освоения края и зарождению центростремительных процессов в среде как коренного населения, так и казачества. Важной внешней составляющей в процессе консолидации забайкальского казачества явилось решение графа Рагузинского привлечь для охраны государственной границы тунгусов и «брацких» народов, поручив казакам только функции контроля. Сначала были созданы иррегулярные подразделения, так называемые караулы, в обязанности которых входила охрана границы в связи с участвовавшими нарушениями ее с территории Монголии.

Линия границы между Российской и Китайской империями пролегла от Кяхты на восток до истоков реки Аргунь и на запад до Большого Саянского хребта. На всем ее протяжении были установлены 74 пограничные знака («маяки»), пространства между ко-

торами охранялись этими караулами. Для несения караульной службы Рагузинский привлекает почти все крупные родовые подразделения «брацких» народов и тунгусов, оказавшихся на этот момент в Забайкалье.

Реестр этих караулов был внесен в официальные Разменные письма «О разводе, по силе Буринского договора, между Российским и Китайским Государствами границы», утвержденным особым постановлением Иркутской и Енисейской Военными Канцеляриями [ПСЗ. 1830. III: № 5180, 5189]. Все члены караулов были освобождены от уплаты ясака, но должны были обеспечить себя лошадьми и вооружением. И буряты, и тунгусы достаточно охотно приняли на себя караульную службу, так как не испытывали особого недостатка ни в лошадях, ни в оружии, но были избавлены от ясака.

В это время сами казаки получают относительную передышку в несении службы. К 30-м годам XVIII в. численность казаков в Забайкалье равнялась приблизительно 3000 чел., которые в этот период были господствующим сословием в регионе [Васильев 1916: 11, 324]. Именно этот контингент заложил основу формирования особого субэтноса забайкальских казаков, обладающего особым характером менталитета и стереотипов поведения, сложившихся в сложной исторической ситуации покорения и освоения Байкальского региона.

Архивные источники

Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 21, «Портфели Миллера».

Библиография

- Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 240 с.
- Артемьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Приморский полиграфический комбинат, 1999. 335 с.
- Бродников А.А.* Енисейск против Красноярска: из истории борьбы гарнизонов за ясачные территории в XVII в. // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002. С. 19–30.

- Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. В 3 т. Чита: [Б.и.], 1916–1918.
- Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев: Государственное издательство политической литературы УССР, 1957. 462 с.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л.: Гидрометиздат, 1990. 526 с.
- Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990 а. 278 с.
- Гумилев Л.Н. От Руси до России. СПб.: Юна, 1992. 268 с.
- Долгих Б.О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // СЭ. 1953. № 1. С. 38–63.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960. 622 с. (Тр. ИЭ АН СССР, Новая серия. Т. LV.)
- Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: издательство, 1997. Книга первая. 573 с.
- Кортунов А.И. Особенности зачисление башкир в состав Яицкого (Уральского) и оренбургского казачьих войск (XVIII–XIX вв.) // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 1 (21). С. 127–130.
- Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 248 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2. 795 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2005. Т. 3. 598 с.
- Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск: Наука, 1988. 169 с.
- Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л.: АН СССР, 1948. 452 с.
- Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: Соцэкгиз, 1937. 428 с.
- Патканов С. Статистические данные, показывающие Племенной состав Населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании специальной разработки материалов переписи 1897 г.) Иркутская губ., Забайкальская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. СПб.: Типография «Буссель», 1912. Т. III. С. 434–999.
- Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб.: издательство, 1997. 542 с.
- Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 392 с.
- Ригельман А.И. Повествование о донских козаках, отколы и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч., собранная с составленной из многих вернейших российских и иностранных историев, летописей, древних дворцовых записок и из журнала Петра

- Великого, через труды инженер-генерал-майора Александра Ригельмана, 1778 года. М.: Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских. Университетская типография, 1846. 191 с.
- де Рубрук Гильом. Путешествия в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благости 1253 // Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М.: Изд-во географической литературы, 1957. С. 87–194.
- Румянцев Г.Н. Происхождение хори-бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1962. 286 с.
- Савельев Е.П. Типы донских казаков и особенности их говора. Новочеркасск: [Б.и.], 1908. 15 с.
- Сагнаева С.К. Казаки // Народы России. Энциклопедия / Глав. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. С. 169–174.
- Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982. 254 с.
- Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 554 с.
- Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения века. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 175 с.

Интернет источники:

- http://www.bumbinorn.ru/history_articles/1165134584/kalmyki_v_sostave_donskogo_kazachestva_48654 — Калмыки в составе Донского казачества.
- http://www.aif.ru/dontknows/infographics/perepis_naseleniya_rossiyskoy_imperii_1897_goda_infografika — Перепись населения Российской империи 1897 года.
- <https://www.proza.ru/2013/10/19/1192> — Владимир Бахмутов Красноярский, 2013 — Роковой жребий Якова Хрипунова.